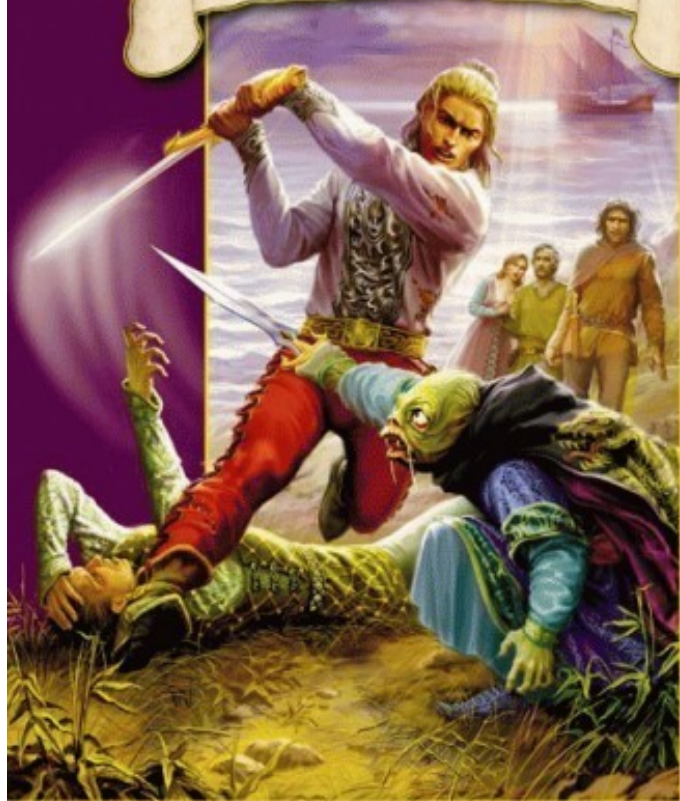

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

ТЫ ПОБЕДИЛ

Александр Зорич

Ты победил

Серия «Свод Равновесия», книга 2

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120363
Ты победил: АСТ, Транзиткнига; Москва; 2006
ISBN 5-17-034475-9, 5-9713-1621-4, 5-9578-3289-8*

Аннотация

«Свод Равновесия» – такое имя носит Инквизиция Баранской республики, самого сильного государства мира Сармонтазар.

Она безжалостно уничтожает всех, кто позволяет себе отступить от жестокого закона этого мира... но наиболее жестоко преследует носителей запрещенной, приравненной к ереси магии.

Однако только что пришедший в эту службу юноша Эгин с изумлением обнаруживает, что варанские инквизиторы используют против своих врагов-магов...

Магическую силу!

«Двойной стандарт» и не более того?

Но постепенно Эгин понимает: «двойной стандарт», по которому он учится жить, – лишь первый шаг в лабиринте сложных, давних интриг между людьми и магами...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	52
Глава 3	69
Глава 4	84
Глава 5	96
Глава 6	128
Глава 7	143
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Часть первая

Тайный советник

Глава 1

Дело Гларта

Медовый Берег, 63 год Эры Двух Календарей
Месяц Белхаоль

1

Пожалуй, за прошедший год Эгин постарел (или возмужал, тут как посмотреть) на все десять. Здесь не обошлось без участия Свода Равновесия.

Не обошлось и без мудрого гнорра Свода, «юноши небесной красоты», не знавшего себе равных ни в коварстве, ни в проницательности.

Не обошлось без женщин. А точнее, одной-единственной женщины с печальными, всегда словно бы чуть заплаканными глазами и целомудренными повадками чужой жены.

Еще десять дней назад, подымаясь на борт паршивого торгового судна, которое даже доброжелатели звали не иначе

как «плавучим сортиром», Эгин был уверен в том, что направляется в почетную ссылку.

Ибо нет в Варане лучшего для ссылки места, чем Вая, столица уезда Медовый Берег.

Недаром ведь даже «плавучие сортиры» наведываются туда не чаще четырех раз в год. Или пяти. Но пятый – это уже из ряда вон выходящее событие. Только когда в Вае происходит нечто уму непостижимое. Например, когда убивают тайного советника.

Когда убивают тайного советника, приходит пятый по счету корабль. Такова, надо полагать, местная примета.

2

Вая. Место, где предстоит жить опальному арруму Эгину в его двадцать восемь лет. Жить до самой старости. Обзавестись внебрачными детьми и подагрой, а может – мигренью. Дожить до шестого десятка и тихо почить в чине все того же аррума.

Ибо из таких мест, как Вая, редко возвращаются в столицу. Такие места, как Вая, созданы для того, чтобы в них тихо и мирно догнывать, дожидаясь конца своих дней. Чтобы поставить меч на подставку у кровати и иногда стирать с него пыль.

Глядя на немногочисленные приземистые домики, сработанные из гнилых досок и некрасивой серой глины, Эгин

думал о том, что гнорр Свода Равновесия, медовоустый Лагха, мог бы обойтись и помягче со своим опальным аррумом. Мог бы подыскать ему более поэтическое место для пожизненного гниения. Хоть бы уж Старый Ордос с его катающимися вдоль дорог валунами и назойливыми призраками-шептунами. Или могилу.

В тот день настроение у Эгина было отвратительным. Уж очень много хорошего осталось позади, в столице. Уж очень скучным казался ему город Вая. Одного-единственного двухэтажного здания, исчадия опального столичного архитектора, по мнению Эгина, было недостаточно для того, чтобы называть деревню с нездоровым климатом обязывающим словом «город».

«Пожалуй, в этом двухэтажном сооружении мне и придется стирать с меча пыль», – мрачно отметил Эгин. Он угадал, это был дом градоправителя.

Только что он выбирался из лодки на зыбкие доски крошечной пристани.

Вая не имела порта. Речка Ужица нанесла в месте своего впадения в море прорву вязкого вулканического песка и глины. Дноуглубительных работ здесь, разумеется, никто и не думал вести. Небось не Пиннарин. Кораблям приходилось бросать якорь в полулиге от берега и вести сношения с Ваей исключительно при помощи лодок.

Эгин – аррум Опоры Вещей. Йен окс Тамма – тайный советник уезда Медовый Берег. Йен окс Тамма и Эгин – одно

и то же лицо. Теперь Эгина звали Йеном окс Таммой.

Еще год назад Эгина звали Атенем окс Гонаутом. И был он чиновником Иноземного Дома. Из многочисленных событий, которые произошли с ним в прошлом году, Эгин теперь был склонен считать самым важным ночь страстной любви с теперешней супругой гнорра Свода Равновесия, девицей Овель исс Тамай. Кроме этого, он убил своего начальника Норо окс Шина – при помощи Скорпиона, или, как говорил сам Норо, Убийцы Отраженных. Но вспоминать перипетии этой истории Эгину было неприятно.

Как известно, офицеров Свода Равновесия нельзя называть их истинными именами, кроме как в обществе коллег. А жаль. Эгину совсем не нравилось называться Йеном, хотя за время пути из Пиннарина в Ваю он успел немного привыкнуть. Да и вообще за последние девять лет Эгин сменил имен больше, чем шлюха клиентов в канун новогодних праздников.

Должен ли жалеть офицер Свода Равновесия о том, что за последние девять лет он сменил больше имен, чем портовая шлюха клиентов в канун новогодних праздников? Нет, ибо офицеры Свода Равновесия не должны жалеть ни о чем.

Тот душевный орган, каким обычные люди жалеют, у офицеров Свода Равновесия отмирает за ненадобностью еще на Высших Циклах обучения. Но Эгин почему-то жалел.

– Добро пожаловать в Ваю! – Вица, местный градоправитель, хозяин зычного баса. Он подал руку Эгину, помогая

ему выйти из лодки. Вица преисполнялся самыми верноподданническими чувствами.

Толстый простоватый Вица, конечно же, знал, что перед ним за птица. Тайный советник, даже такой молодой и бело-брысый, как Эгин, – это всегда человек Свода. А Свода Вица боялся, как дети боятся темноты. Как животные – огня. Для этого страха у Вицы были все основания. Как и у всех прочих граждан Великого княжества Варан.

3

Эгин прибыл в Ваю не один. Его двадцатитрехлетний помощник по имени Есмар был, как и Эгин, офицером Свода.

Две черные косы. Короткий меч северного образца с выщербленным у самой гарды лезвием. И неискоренимая страсть лезть под юбку к каждой встречной особе женского пола. Лезть, не страшась ни Уложений Жезла и Браслета, ни детей с дубинами и колунами – братьев, мужей и свояков приглянувшейся красавицы.

Разумеется, имя Есмар тоже являлось конспиративным. Его истинное имя, с трудом уместившееся на Внешней Секире, за полной его неудобопроизносимостью Эгин так и не запомнил. Какой-то там «Неферна-тра-та-та-и-Пайпалассил». Древнее, очень древнее ре-тарское имя, которое Отцы Поместий раскопали в своих излюбленных запретных писаниях и решили пооригинальничать.

Есмар был секретарем тайного советника уезда Медовый Берег.

Есмар подавал Эгину меч и плащ. Есмар играл с Эгином в лам и распивал легкое вино. Есмар болтал с Эгином о местных красотках и пестовал двух тварей, которые тоже были отряжены в Ваю Сводом Равновесия. Ухаживать за животными было его самой важной обязанностью, ибо Есмар являлся офицером Опоры Безгласых Тварей. Всякий знает, что эта Опора существует для того, чтобы люди и безгласые твари понимали друг друга как можно лучше.

Тварей было две. Черный бесхвостый кобель огромной величины и повышенной злостности по кличке Лога. И почтовый альбатрос, всю дорогу хмуро просидевший в огромной клетке, ожидая свободы или, на худой конец, рыбы.

Кличка альбатроса была Шаль-Кевр.

Эгин сносил Есмара без труда, можно сказать, что Есмар был ему почти симпатичен.

Эгин терпеть не мог кобеля, который напоминал ему о кровавых виражах его собственной биографии. И не замечал альбатроса, бездумный, но неизреченно печальный взгляд которого вселял в Эгина смертную тоску.

Впрочем, в полезности альбатроса Эгин не сомневался в отличие от полезности Есмара и Логи. «С альбатросом хоть можно будет послать в столицу какие-нибудь новости...»

Тайного советника по имени Гларт, предшественника Эгина на этом ответственном посту, убили два месяца назад.

Пастухи местного помещика Круста Гутулана нашли тело у обочины пустынной дороги, ведущей в горный рудник.

Вскоре Гларта опознали, хотя это было нелегко. Лицо Гларта было изуродовано насекомыми, воронами и жуками-могильщиками. Левая рука отрублена. Ребра на спине были изломаны, сердце вырезано. Одежда изорвана в клочья. К счастью, мясом Гларта побрезговали росوماхи и медведи, иначе его останки исчезли бы в полной неизвестности навсегда.

Стрела, которая, судя по размерам, была выпущена из огромного тисового лука в человеческий рост, пробила Гларту спину, прошла сквозь сердце и вышла из груди. Надо полагать, Гларт умер мгновенно.

Все эти достаточно скудные подробности Эгин узнал еще в Пиннарине, когда одним отнюдь не прекрасным солнечным утром нашел у себя на столе записку от гнорра...

...Эгин помнил Гларта по Четвертому Поместью. Они никогда не были особенно дружны. Гларт культивировал в себе исполнительность и молодцеватость. Эгин, напротив, кичился неким подобием спокойного диссидентства. Диссидентство Эгина распространялось в основном на вопросы, свя-

занные с распорядком дня и скучными дежурствами. Молодцеватость Гларта отравляла жизнь всей казарме. «Слава Князю и Истине!» – на всю трапезную провозглашал двенадцатилетний Гларт, выловив в своей чашке с компотом целую сморщенную грушу. Поговаривали, что он доносит на товарищей, Эгин допускал, что врал. Хотя по тому, как Гларт пошел в гору, заступив на службу в Опоре Вещей, можно было заключить, что привычка стучать у него имелась. Так или иначе, Гларт запомнился Эгину как любитель вытягиваться во фрунт. Кожа у него была удивительно сухой, прикосновения его рук были неприятны...

К записке гнорра, рассказывающей о гибели Гларта, было приложено обстоятельное письмо из Ваи за подписями градоправителя Вицы и начальника гарнизона Тэна окс Найры.

Еще тогда Эгин подумал вот о чем: когда вырезают сердце у трупа, это делают неспроста. Вырезанное сердце – особенно когда оно вырезано у офицера Свода – всегда настораживает тех, кто сведущ в Измененной материи и словах Изменений. Офицерам Свода не следует объяснять, с какими целями вырезают сердца своим жертвам иные умельцы. Эгин не представлял в этом смысле исключения.

Эгин утешал себя мыслью о том, что, возможно, дела не так уж плохи и, не исключено, это сделал какой-нибудь бесноватый горец для того, чтобы его, сердце Гларта, съесть. Гадостей о местных горцах Эгин наслушался и от градоправителя, и от местного учителя Сорго предостаточно в первый

же день пребывания в Вае.

Так или иначе, Эгин решил начать расследование с осмотра тела.

Строгая процедура опознания уже рисовалась у него в голове, когда он в обществе начальника вайского гарнизона Тэна окс Найры – сухопарого вояки со впавшими скулами – шествовал по направлению к неказистому сараю с двумя караульными у дверей.

Там, залитое воском для предотвращения дальнейшей порчи, лежало тело Гларта, рах-саванна Опоры Вещей.

5

– Спешите видеть, милостивый гиазир, – с дрожью в голосе отрапортовал начальник гарнизона, распахивая дверь сарая – вайского Чертога Усопших – и отступая назад на шаг. – Там он и лежит. Совсем недалеко. Только чуть спуститься. Только спуститься – и вот он уже там лежит.

Солдат, стоявший в карауле, услужливо протянул Эгину масляную лампу.

Очень кстати. В подвале было темным-темно, а лестница оказалась крутой и склизкой.

Эгин бросил испытующий взгляд на начальника гарнизона, а затем на караульных.

Бледные перепуганные лица без признаков утонченной мыслительной деятельности. Грязные, жирные волосы. У од-

ного солдата веревочка на портках завязана абы как и ее концы неряшливо свисают из-под застегнутой лишь на половину крючков куртки.

От комментариев по поводу внешнего вида караульных Эгин воздержался. Но испуганная взвинченность его провожатого удивила и разозлила его. Солдаты тоже были хороши – у них дрожали руки. Кажется, каждый из них согласился бы простоять в карауле три ночные смены, лишь бы сейчас не спускаться вместе с Эгином в подвал, где лежал всего-навсего труп предыдущего тайного советника уезда.

– Вы что же, со мной не пойдете?

– Помилуйте, милостивый гиазир, там и без нас тесно, – попробовал отшутиться Тэн окс Найра.

– Ну уж нет, идемте вместе, – отрезал Эгин.

«Еще не хватало поощрять такие настроения! Что можно взять с солдата, который боитсядохлого Гларта? Да Гларта, когда он был жив, и то никто не боялся!»

– Все-таки мы ведь там уже были... Что там смотреть? – не унимался Тэн, стремительно бледнея.

– Отставить разговоры! – рявкнул Эгин, выходя из себя. – Вы, Тэн, пойдете первым. Я – вторым. А вы, – Эгин указал на очень крепкого солдата по имени Гнук, – третьим.

Никто не осмелился продолжать спор с тайным советником, и они спустились вниз – туда, где смердел, дожидаясь торжества справедливости, бывший товарищ Эгина по Четвертому Поместью.

Нижняя дверь в Чертог Усопших города Вая долго не хотела поддаваться. Наконец Тэн окс Найра при помощи Гнука преодолел сопротивление невидимой пока материи и приоткрыл дверь.

– Мама родная! – взвыл Тэн.

Комната наполовину была завалена землей, как если бы сваи, державшие грунт, вдруг рухнули, выведенные изнутри червями-древоточцами. Комнаты не было. Не было и трупа.

Кое-как совладав с мокрой землей и досками, они наконец протиснулись внутрь.

Солдаты и Тэн начали беспорядочные раскопки, используя для этой цели широкие кинжалы прямо в ножнах.

Эгин осматривал подвал при свете масляной лампы. Все выглядело так, будто бы гигантский крот, трудясь над своим туннелем, сбился с пути и случайно вылез посреди подвала. «Хотя, впрочем, какой еще крот? Кротов такой величины не бывает и быть не может. Такие кроты с голоду передохли бы быстрее, чем в первый раз как следует набили себе брюхо всякими там червями!» – подумал Эгин.

– Вы что, не помните, где лежал труп? – ледяным тоном спросил он. Ему не нравилась рассеянность, с которой поглядывали на него подчиненные.

– Помним, он лежал здесь, на деревянном топчане.

– Ну?

– Ну и вот... собственно, его нет... – развел руками Тэн.

– А топчан? – спросил Эгин с некоторой издевкой.

– И топчана тоже нет.

– Что ж, нет так нет, – заключил Эгин и решительно направился к выходу.

Покойный Гларт пропал вместе с топчаном. Но Эгин почти не удивился. Разве можно ожидать чего-нибудь путного в местности, где трупам вырезают сердца и отсекают левые руки, во плоти которых у всякого офицера Свода Равновесия заключена Внутренняя Секира? Дар Свода. Пуповина Свода. Родимое пятно Свода.

7

Неудача с осмотром тела несколько удручила Эгина.

Не то чтобы ему так уж не терпелось поглядеть на безобразные разлагающиеся останки однокашника. С некоторых пор Эгин стал суеверен, он не любил, когда дело начинается с неудачи.

Куда подевалось тело?

«Знать не знаем! – лепетал один из караульных. – С того дня, как его сюда принесли, здесь все время кто-то был, вооруженный».

«Оно там, наверное, под землей! Нужно еще поискать. Получше», – деловито заключил начальник гарнизона.

Эгин скептически покачал головой. Чутье аррума подсказывало ему, что искать там совершенно незачем и нечего. А чутью аррума можно доверять почти так же смело, как и Персту Севера.

«А по-моему, оно того... само исчезло», – тихо сказал неряха-караульный. Начальник посмотрел на него с нескрываемой угрозой. Эгин лишь рассеянно кивнул.

Как бы странно ни звучали слова, сказанные стеснительным солдатом, но это был самый здравый вывод, который можно было сделать из случившегося.

«Что ж, тело убитого исчезло. Само. Теперь бы найти хоть убийцу», – устало усмехнулся Эгин.

8

Пока Эгин начинал расследование и знакомился с солдатней местного гарнизона (в составе десяти скучающих крестьянских парней из Нового Ордоса и одного молчаливого черноволосого уроженца Суэддеты, коим являлся Гнук), Есмар устраивал Эгина на новом месте, не забывая и о себе.

Главное требование, которое Эгин поставил градоправителю, сойдя на берег, заключалось в следующем: его покои и комната Есмара не должны иметь общей стены.

На то было одно веское соображение.

Достаточно близко познакомившись с норовом Есмара за время путешествия из Пиннарина, Эгин не сомневался в

том, что тот бросится в омут любвеобилия сразу же по прибытии. А терпеть похотливую возню и страстные вздохи у себя над ухом вечером, ночью, днем или поутру Эгину не хотелось.

Отплатить Есмару той же монетой аррум не надеялся. Женщинами и девицами Ваи он был в общем-то разочарован.

Их было мало. Все они выходили на улицу в длинных платьях до пят и с покрытыми головами. Ноги их были по большей части грязны и босы, взгляды – угрюмы и испуганны.

Местные нравы не были суровы, но некоторых заповедей домотканого благонравия здесь держались строго. Например, все вайские прелестницы выходили на улицу не иначе как вдвоем или втроем. Чем бы ни занимались они в садиках и чахлах миндальных рощах со своими сужеными и просто соседями, выйти на улицу в одиночку означало большой позор. Но дело было даже не в этом... Толстые икры, обветренные загорелые лица, сухие руки с коротко обрезанными ногтями. Под ногтями – разноцветные каемки. Это намертво въелась в кожу краска, которой в Вае морят пряжу...

«Значит, придется искать общества благородных», – с тоской подумал Эгин, когда мимо него, словно две телушки, проплыли две кокетливые молодухи.

– Добра-дня гьясиру новому са-ветничку!

– Вам того же, – угрюмо бросил Эгин.

«Искать общества благородных... Легко сказать!»

Сердце Эгина наполнилось горечью. Сколь рьяно ни утешал он свою похоть последний год, как ни старался забыть одну молодую особу, бывшую ни много ни мало племянницей погибшего Сиятельного князя (мятежника и узурпатора), ныне же – племянницей Сиятельной княгини (вроде бы законной), она никак не шла у него из головы. Сколько ни старался он смотреть на вещи трезво, одно имя Овель исс Тамай делало его пьяным без вина, грустным и по-нехорошему глупым.

Что в ней было примечательного? Эгин не знал и сам.

Отнюдь не первая красавица Пиннарина. И даже не вторая. Худая и жеманная плакса. Дерзкая восемнадцатилетняя девчонка с капризными губами и глубокими, словно хуммерова бездна, глазами.

Овель отдалась ему в первый же день их весьма необычного знакомства, отдалась беззастенчиво и беззаветно. И при одном воспоминании о той ночи, единственной, кстати сказать, ночи любви за все время их знакомства, дыхание Эгина становилось чаще, мысли сбивались в какой-то горячечный клубок, а уста немели.

Теперь Овель – супруга Лагхи Коалары, гнорра Свода Равновесия. Человека, которому подвластны все тайные и явные силы Варана. Известны все мысли и страхи Варана. Которого боится и оттого еще больше обожает Сиятельная. Которого опасаются даже те, в чьих руках судьбы империй, куда более обширных и зубастых, чем княжество Варан.

Вожделеть к жене гнорра – это гораздо хуже, чем желать гнорру смерти. И кара за это, должно быть, положена соответствующая. Не будучи умственно отсталым, Эгин понимал это без дополнительных разъяснений. И все-таки желал Овель исс Тамай. И любил ее самой грязной, самой назойливой, самой ненасытной человеческой любовью.

9

В тот день Эгин вернулся из Свода, ошарашенный новым назначением. Дома же его тоже ожидал сюрприз – послание, подписанное лично гнорром.

В нем содержались точные, но скудные предписания касательно того, что ему придется делать в вайском захолустье. «Вая, – писал гнорр, – это опасный нарыв на теле Великого княжества...» Но Эгин не дочитал послание до конца. Сложив вчетверо, он засунул его в карман куртки. До лучших времен. Еще год назад такое обращение с письмами гнорра показалось бы ему самоубийственным.

Эгин был зол, хмур и, вопреки обыкновению, груб. Он огрел по шее конюха, разбил о стену хрустальную чернильницу и извел зазря бутыль гортело, которую собирался осушить, дабы скоротать вечер. Отпив глоток, Эгин, неожиданно испытал третий за день приступ ярости и вылил ее на пол...

Как вдруг в дверь постучали. «Шмель»-посыльный при-

нес письмо. Точнее, короткую записку.

Эгин не знал почерка Овель, ибо у него никогда не было возможности иметь с ней переписку. Но, даже не прибегая к искусствам аррума, Эгин смог безошибочно определить Овель по слогу. И, главное, по запаху.

Он пропитал бумагу и наполнил спальню Эгина ароматом одного воспоминания, которое приносило арруму Опоры Вещей то неожиданный прилив сил и жизнелюбия, то приступ истерической меланхолии. Овель, невесть откуда проведавшая о новом назначении Эгина, обещала ему встречу в публичных садах Пиннарина, дабы попрощаться, попрощаться, попрощаться...

Он пришел в сады за час до назначенного времени.

Он был одет так же, как и при первой встрече с Овель, — чиновником Иноземного Дома.

Он был идеально гладко выбрит, глаза его горели сумрачным пламенем неудовлетворенной страсти. Длинный меч аррума, настоящий «облачный» клинок, о котором мечтает любой воин по обе стороны Хелтанских гор, выглядывал из-под темно-синего плаща с изумрудной окантовкой.

Овель появилась с небольшим опозданием. Семь грудастых теток (приживалок?) шли по обе стороны от нее, создавая при помощи своих вееров нешутейный сквозняк. Охраны тоже было не повернуться — пятеро молодых офицеров скучали поодаль, высматривая злоумышляющих. Да плевать он на них хотел! Плевать!

Эгин, скроив светскую мину, мягким кошачьим шагом столичного кавалера ринулся вперед...

О чем они болтали тогда с женой гнорра и как долго это продолжалось, трепетали ли влажные ресницы Овель, когда она желала офицеру счастливого пути, сколь галантны были банальности, которые без умолку говорил Эгин? Ответы на эти вопросы можно было бы найти в рапорте одного из офицеров охраны Овель исс Тамай, поданном на имя гнорра. В какой-то момент все эти детали показались Эгину не важными. Он был уверен – воспоминания об этой памятной встрече на Аллее Поющих Дельфинов ему придется сжечь так же, как он сжег полученную от Овель записку.

Сжечь, а затем развеять пепел по ветру, стоя лицом на восток. Сжечь, бросая вослед пеплу одно за другим чугунные заклинания – Слова Последнего Запрета. Эти магические предосторожности были отнюдь не праздными, ибо талантов гнорра хватило бы на то, чтобы при желании восстановить бумагу из пепла...

Нет, ничего предосудительного не произошло в публичных садах между женой гнорра и офицером Свода Равновесия.

И в записке тоже не было никаких шокирующих признаний, только светские формулы вежливости. Но каждое слово, выведенное неустойчивым почерком Овель, каждый ее жест во время их внешне пустой болтовни в публичных садах говорили арруму: «Я хочу тебя алчно, бесстыдно и

неутолимо».

Тогда Эгин не посмел даже коснуться подола платья госпожи Овель краем своего плаща.

Не посмел даже улыбнуться ей так, как мужчины улыбаются женщинам.

Не набрался самоубийственной смелости попросить у нее что-то на память. Платочек, веер или еще какую-нибудь ерунду.

Но, покидая госпожу Овель исс Тамай, продолжившую любование лебедями возле премилого искусственного озера, Эгин чувствовал себя так, как, верно, чувствует себя человек, свершивший Крайнее Обращение.

Он чувствовал себя прелюбодеем. Преступником. Обреченным. И даже ссылка на Медовый Берег казалась ему теперь лучшим исходом. Ибо водить шашни с женой гнорра Свода Равновесия – это все равно что пытаться печь крендели в священном огне Жерла Серебряной Чистоты.

10

Между тем гнорр требовал от Эгина служебного рвения. Во-первых, Эгин должен был установить, кто убил рах-саванна и расправиться с убийцей по всей строгости варанских законов, но с учетом местных предпочтений.

Последнее значило, что Эгин может казнить виновного через отсечение головы, если тот окажется благородным.

Или через удушение, если тот окажется выходцем из среднего сословия. Или же через голодную яму, если тот окажется кем угодно еще.

Но, с другой стороны, чтобы кара не казалась легкой, а назидательность – неполной, Эгин был уполномочен устроить местному люду потеху в соответствии с устоявшимися в области вкусами. Например, привязать убийцу за руки и за ноги к норовистым коням и поддать им по бокам плетью.

Во-вторых, Эгин должен был пристально следить, нет ли в уезде Медовый Берег таких, кто балуется запретными Вещами и Писаниями, кто верит в Отраженных или Звезднорожденных, кто соприкасается с Измененной тканью бытия или пестует Измененных тварей. Это как всегда. Но было одно, как бы совершенно незначительное, добавление.

Один подозрительный на крамолу в уезде Медовый Берег заведомо имелся, и гнорр – надо же! – знал, что его зовут Прокаженный.

Если с обычными преступниками Эгину рекомендовалось не церемониться и расправляться на месте и со всей возможной «справедливостью», то Прокаженного гнорр велел беречь и не допекать. Лишь держать в поле зрения. А для того чтобы держать его в поле зрения, нужно было по меньшей мере найти его. А найдя жильё Прокаженного Эгину было предписано открыть медальон, выданный ему гнорром со строжайшим запретом вскрывать сию изящную вещьцу прежде времени.

«Впрочем, – писал Лагха, – медальон можно сломать. И если вы, Эгин, его сломаете или потеряете – я казню вас как государственного преступника».

– Прокаженный? Да чур вас, милостивый гиазир! Про этого лучше забудьте. А то как язвы по лицу от одного его взгляда пойдут! Или, вот, он может скотину уморить. Только взглянет на нее – и все, копытами кверху брык! – прошептал градоправитель Вица.

Судя по крупным каплям пота, выступившим у него на лбу, он действительно верил в то, что говорил. Редкий случай для градоправителя.

– А что, Прокаженный действительно болен проказой? – поинтересовался Эгин, следя краем глаза за певчим дроздом с подрезанными крыльями, любимцем градоправителя. Тот расхаживал по столу, нахохлившись, и казался очень недовольным.

– А Шилол его разберет. Кто его видел, так он, милостивый гиазир, все в тряпье таком и с колпаком на голове, только одни прорези для глаз. Чего он там скрывает – может, болячки, а может, уши какие ослиные... Тут уж я не скажу. Не видел. Вот попомните мои слова, это он нашего голубка порешил... – Вица закатил глаза к потолку и страдальчески сложил руки на толстом животе.

«Нашего „голубка“! Пожалуй, Гларта так ни одна девка не сообразила бы назвать!» – фыркнул про себя Эгин. Нет, кем бы ни был этот Прокаженный, он займется им после...

Но не успел Эгин сказать Вице какую-нибудь утешительную глупость, как земля под ногами задрожала, словно бы во глубине недр пробежал тысячеголовый грютский табун. Певчий дрозд ударил крыльями и спрыгнул со стола с беспомощным свистом.

– Опять... – сказал Вица, вытаращив глаза на дрозда.

– Что «опять»?

Эгин насторожился. «Вица живет в Вае пятнадцать лет, а к землетрясениям еще не привык. А дрозд? Этого что – первый раз трясет, что ли? Чего это у Вицы такая перепуганная рожа?»

– Что «опять»? – с нажимом повторил Эгин.

– А Шилол его знает! – отвечал Вица, до крови закусив нижнюю губу.

Певчий дрозд бесновался на полу, мечась из угла в угол и подметая крыльями пол. Клекотал, клевал землю, бешено вертел своей глупой головой. «Все в этой сраной Вае какие-то нервные, даже птицы», – заключил Эгин в немалом раздражении.

11

С чего начать поиск убийцы, Эгин решил быстро.

Тот, кто отрезал Гларту руку и вырвал сердце, оказал Эгину одну услугу. Он отрезал именно левую руку с Внутренней Секирой. Плоть может сгнить. Ее можно сжечь, разре-

зав на кусочки. Скормить червям или свиньям. Но вот Внутреннюю Секиру с Сорока Отметинами Огня не переплавить, не уничтожить. Ее можно только Изменить. Но сделать это так, чтобы ее не смог отыскать пес, выпестованный Опорой Безгласых Тварей, очень и очень сложно. Пес едва ли найдет отрезанную полтора месяца назад руку. Но вот Секиру он найдет.

– Найде-ет, – заверил Эгина Есмар с авторитетным видом бывалого шарлатана. – Если только она вообще на Медовом Берегу. Вначале будем искать в городе, затем на Сером Холме, потом в Кедровой Усадьбе.

– Начнем сегодня же.

– Да хоть сейчас. – Покладистый Есмар с готовностью вскочил. Тут же, откликаясь на хозяйский свист, в двери показалась узкая и хищная морда Логи.

«Ушлая гадина». Эгин невольно поморщился от отвращения.

Однажды такие вот кобели вроде Логи едва не сожрали его заживо в трех минутах ходьбы от собственного дома. На Циноре же он видел, как такие же, только чуть более умелые питомцы Опоры Безгласых Тварей штурмовали неприступную крепость смегов. Они упорно лезли вверх по отвесным стенам, как если бы были ящерицами. «Если они умеют лазить, как ящерицы, значит, найти какую-то там Секиру для них должно быть как для людей высморкаться!»

Они прошли по городу вдоль и поперек, останавливаясь у каждого дома. Но Лога был спокоен.

Затем они направились к Серому Холму.

Серый Холм был ближе к городу, и потому решили начать с него. Имелась и еще одна причина. Серый Холм со слов градоправителя представлялся Эгину средоточием мерзости порока. На мерзость порока намекало все – начиная от высоченных стен и заканчивая лицами крестьян. Крестьяне казались злыми, сосредоточенными, неприветливыми. С Эгином никто не здоровался.

«Отчего бы им и не убить рах-саванна Гларта просто так, из врожденной кровожадности?» – предположил Эгин.

Эгину не хотелось идти внутрь замка. К счастью, идти туда не пришлось – Есмар был совершенно уверен в том, что Секиры там нет и быть не может.

Эта уверенность, по словам Есмара, читалась у Логи в глазах.

«Ну и хорошо», – подумал Эгин, с неудовольствием отмечая, что, может, не сегодня, но завтра или послезавтра ему все-таки придется нанести визит вежливости хозяину Серого Холма, гиазире Багиду Вакку, которого за глаза величали Черноногом.

На следующий день Эгина и Есмара ожидала быстрая по-

беда.

Еще на подходе к пастушьему поселению, отделенному от Кедровой Усадьбы небольшой миндальной рощей, Лога сделал стойку, зафыркал и стал нетерпеливо скрести лапами сухую землю.

– Мы на верном пути, – заключил довольный Есмар.

Пастушья деревня была настолько мала, что обойти ее всю не составляло большого труда. Но даже от этого труда избавил их Лога.

У крайнего, самого неказистого дома Лога забеспокоился и, глянув на хозяина в поисках одобрения, ринулся к двери.

Есмар, преисполнившись чувством собственной значительности – он все-таки не кто-нибудь, а секретарь тайного советника и, значит, третье лицо в уезде, – застучал в дверь.

Им долго не открывали, хотя внутри явно происходило некое движение. Не привыкший топтаться у хижин смердов по полчаса, Есмар крепко наподдал по двери плечом. Дверь, не выдержав его молодецкой удали, сорвалась с петель и грохнулась на пол.

– Добро... пожаловать... благородные гиазиры, – пролепетал плешистый и очень худой мужичок в пастушьей рубаше.

Лицо мужичка было перекошено жутью, будто бы не тайный советник со своим помощником и псом пожаловали к нему, а сама смерть с арканом и мешком.

Лога деловито кружил по комнате. Наконец он остановился у очага, в котором тлели подернутые пеплом уголья, и принялся.

Хижина топилась по-черному, а потому ее стены и потолок, закопченные до крайнего предела, выглядели словно стены пещеры. Единственное окно под потолком было затянуто бычьим пузырем.

На дырявой циновке в беспорядке лежала незамысловатая кухонная утварь.

В грубом горшке дымилось какое-то кушанье. Маленькая плошка, наполненная тем же варевом, что и горшок, стояла перед янтарной фигуркой крылатого чудовища Девкатры.

Эгин помнил – этому крылатому монстру поклонялись и приносили жертвы со времен Звезднорожденных. И не только на Медовом Берегу, но и в сельской глухомани Харрены, и среди грютов. Очевидно, хозяин собирался трапезничать и, конечно же, не преминул поделиться снедью со своим прожорливым божеством.

Лога покрутился подле горшка и, тщательно приняв себя, остановился перед ним как вкопанный.

«Голодный, скотина!» – злорадно отметил Эгин.

А Есмар одобрительно кивнул псу, не то давая ему санкцию сожрать все подчистую, не то просто так, в знак одоб-

рения.

– Что ты знаешь об убийстве тайного советника, человек? – начал Эгин, положив руку на яблоко меча.

– Ничего, милостивый гиазир! Ничего не знаю! – затараторил пастух, закрывая голову руками, как будто надеялся, что такая защита сработает, если Эгин решит сгоряча рубануть мечом.

– Что же ты прячешься здесь, словно болотная крыса, и не открываешь нам дверь?

– Я не успел, могу поклясться, не успел!

– Что ты не успел?

– Открыть не успел, – блеял пастух, вжимаясь в закопченную стену.

И в этот момент Эгину стало смертельно скучно. Ему вдруг подумалось: с какой стати, собственно, они вломились к этому забитому пастуху? Чего он требует от этого невежественного и дикого существа? Может, пес и вправду ошибся? Он что – Зрак Истины, что ли, чтобы не ошибаться?

Тем не менее Эгин продолжил свой вялый допрос:

– Почему ты не успел открыть?

– Не знаю.

– Что значит «не знаю»?

– Значит то, что я... м-м... ел!

Есмар возился с Логой и, похоже, не интересовался ходом дознания.

Пастух казался настолько жалким и безответным, что к

разговору с ним Эгин начал испытывать непреодолимое отвращение. И к его бедному жилищу – тоже. Как вдруг, словно гром среди ясного неба, раздался голос Есмара:

– Милостивый гиазир Йен, Лога нашел! Она здесь!

Эгин вздрогнул. «Так просто?»

– Здесь, в горшке! – Есмар поглаживал пса по голове, склонившись над дымящимся горшком.

– Да это ж еда моя, это ж просто еда... – подал голос пастух.

– Я вижу, что еда, – процедил Есмар и, подняв горшок на высоту груди, грянул его оземь.

Измельченные овощи рассыпалась по полу неаппетитной кучей. Запахло сельдереем и помоями.

Эгин с недоумением отступил, чтобы не забрызгать свой шикарный плащ.

Лога сел на задние лапы и приподнял передние. Что твоя белка. Его псиная харя сияла почти человеческим ликованием. Плешивый пастух безысходно заскулил в своем углу.

А скулить ему было от чего. В центре кучи, среди морковки и фасоли, красовалась Внутренняя Секира рах-саванна Опоры Вещей Гларта.

14

Разводить волокиту Эгин был не намерен.

– Где, когда и при каких обстоятельствах ты совершил

убийство?

Кинжал Эгина подрагивал вместе с пульсацией артерии на шее пастуха.

– Это не я, милостивый гиазир, не я!

– Где, когда и при каких обстоятельствах...

Жадный до крови кинжал слегка прокусил кожу у берега пульсирующей реки. Железная хватка Эгина не давала смерти не то что кивать головой, а вообще двигаться.

– Убейте, гиазир, убейте. Я хоть на Девкатре побожусь, хоть пепел буду жрать, хоть детей заберите – все что хотите, но не я!

– Где, когда и при каких обстоятельствах...

Струйка крови, пока что маленькая, потекла по шее пастуха, стекая за ворот. Плешивый маленький человечек – потный, грязный, несчастный – не сопротивлялся.

– Не я это был, я только руку отрезал, думал, правду говорят, у вас внутри кости золотые...

– У кого это «у вас»?

Кинжал отстранился, а зрачки Эгина, словно два стальных буравчика, ввинтились в блеклые глаза пастуха.

«Нет, этот несчастный придурок не похож на матерого колдуна, – подумал Эгин. – Он не похож и на убийцу. Он слишком жалок и слишком труслив, чтобы поднять руку на офицера Свода Равновесия. Нет, этот идиот поклоняется Девкатре, скармливая своему божеству вареные овощи и отруби с сельдереем. Куда уж ему вырезать сердца и оживлять

мертвых!»

Эгин спрятал свое разочарование вместе с кинжалом.

– Рассказывай, как все было, – сказал он ледяным тоном.

15

– Вот, значит, шел я к руднику. То было на рассвете. Смотрю, а там он, ну, мертвый. И весь такой, в кровище. Страшный, рот перекошенный, одежда на нем вся порватая. Он еще и, простите, гиазиры, обмочился, как то у них, у мертвых, случается. Ну я его сразу узнал. Я ему частенько по поручению хозяина носил всякую снедь – сыр, молоко, а то, бывало, и свежатину. То есть не ему, а его кухарке. Я его узнал, конечно. Ну там стрела у него в спине торчала. У нас вообще стрелы метят обычно, чтоб добычу на охоте делить проще было. А тут я посмотрел – стрела вроде бы ничья. Ну ладно, думаю, убили – значит, время его пришло. И, думаю, пойду-ка я отсюда подобру-поздорову...

Пастух остановился, чтобы перевести дух. Эгин и Есмар переглянулись.

– Ну, и чего ж ты не пошел подобру-поздорову? Или не позвал кого, чтобы труп прибрать? – вставил Есмар.

– А оно мне надо было? А то вдруг бы еще на меня подумали, что это я, мол, его... Ну я пошел себе восвояси. А потом вдруг попутала меня жадность, вспомнил, как мне кум говорил, что у этих, ну, у вас, таких, как тайный советник,

рука, если ее сварить в извести, а потом в полнолуние закопать на кладбище, а потом вырыть, становится золотой. Ну вот я и подумал. Зачем ему рука? Она ж ему не пригодится! А мне бы не помешала. Ну вот я и взял.

– А сердце? Про сердце тебе кум ничего такого не говорил? – пряча улыбку, поинтересовался Эгин.

– Нет, сердце уже до меня кто-то того... Это не я... – Пастух опустил глаза и стал теревить подол своей льняной куртки. – Я таким не занимаюсь, такими всеми делами. Ну, вы понимаете...

– Мы понимаем, о чем ты, – подтвердил Эгин. – А кто такими делами у вас занимается?

– У нас, в Кедровой, – точно никто. А у Багида Вакка, на Сером Холме, – там, почитай, кто угодно, они такие там, гады... Ну это я точно не знаю кто.

– Ну так что – сварил ты руку или как? – поинтересовался Есмар.

– Сварил, милостивый гиазир, каюсь. Не знал, ей же ей, что творю, Шилол меня наставил. Во всем винюсь.

– Закопал?

– Закопал, милостивый гиазир.

– И что, было в ней золото?

– Было бы золото, я б тут гнильем не кормился бы, – удрученно бросил пастух, указывая своим грязным, без ногтя, пальцем в останки завтрака напололам с глиняными черепками.

Даже Лога побрезговал пастушьей трапезой.

16

Эгин уже не сомневался в том, что плешивый пастух Круста Гутулана не убийца и убийцей быть не может.

Будучи обычным эрм-саванном, он, возможно, уцепился бы за эту жертву и склонил бы мужика к «чистосердечному» признанию. А потом расправился с ним по всей строгости закона. Спихнул бы дело с плеч долой и пребывал бы в полной уверенности, что наказал опасного, хотя и недалекого преступника.

Но, походив год назад три веселые недели в чине рах-саванна, а после получив головокружительное повышение в аррумы и пройдя Второе Посвящение, он стал смотреть на многие вещи иначе. Говоря проще – сильно поумнел.

Эгина не смущали даже пастушьи бредни насчет золотой руки, которую можно получить из офицерского мяса путем вываривания в извести. Офицеры Свода, являвшиеся на Медовый Берег в мундирах тайных советников, были для крестьян и пастухов Ваи посланцами из другого мира. Пугающего, величественного и сурового. Мира непонятных законов, страшных тайн и сверхчеловеческих возможностей.

Пастух отрезал мертвому Гларту руку. Это преступление. И похитил Внешнюю Секиру рах-саванна. Это – государственное преступление. За эти преступления пастух сядет в

голодную яму. Но это не тот преступник, который интересуется Эгина. Увы.

17

Пастух был отправлен в Ваю под надзором Есмара. Сам Эгин направился напрямиком в Кедровую Усадьбу.

«Знакомиться с Крустом Гутуланом все равно придется. Значит, чем раньше, тем лучше».

Эгин застал Круста в момент его хозяйского торжества. Стоя посреди двора, тот раздавал зуботычины нерадивым, похвальбу ретивым и наставлял остальных.

Кедровая Усадьба, как оказалось, находилась в состоянии войны уже не первый год. Воевали с Серым Холмом. Но если раньше угольки вражды и раздора лишь тлели, время от времени вспыхивая кровавым междоусобием, то теперь, как мог заметить Эгин, дело было поставлено на широкую ногу.

Кедровая Усадьба напоминала скорее крепость, готовящуюся к дерзкой вылазке против неприятеля, чем обитель мирных земледельцев и пастухов.

«Кто бы мог подумать, что в такой дыре могут кипеть такие бурные страсти? Пожалуй, им бы позавидовал любой столичный драматург!»

Третьего дня, по уверениям Круста, люди Багида украли из деревни Круста трех незамужних девок, одна из которых была любовницей самого Круста, и... во всеуслышание объ-

явили, что те послужат платой за уведенный людьми Круста скот в пересчете одна девка на три барана. А оный скот вовсе не был уведен людьми Круста, а попросту заблудился и пропал в горах по нерадивости пастухов Багида, которые такие же пастухи, как он, Круст, рыболов.

– Все люди Багида отпетые сволочи, – заверил Эгина Круст, – потому что одним междоусобием да еще нечестной торговлей питаются.

– Что за торговля? – спросил Эгин просто так.

– Да медом они торгуют, этим проклятым медом! – махнул рукой Круст, краснорожий, с пышной бородой мужчина, сложение которого свидетельствовало, во-первых, о недюжинной физической силе, а во-вторых, о страсти к верховой езде. Ноги его стояли колесом, да и от рубахи разило конским потом.

Оказалось, что Багид Вакк и его люди не пашут, не жнут и не пасут скот, питаюсь лишь тем, что получают от торговли с Новым Ордосом. Именно за медом заходили в Ваю корабли. Никаких иных предметов экспорта на Медовом Берегу не производили.

– Медом? Но я не заметил там ни одной пасеки, хотя еще сегодня был у Серого Холма, – скептически заметил Эгин.

– Да какие там пасеки! Чтобы люди Вакка хоть пальцем пошевелили ради такого дела! – зло воскликнул Круст. – Они выменивают мед у горцев. Меняют мед на оружие. Меда по весу должно быть столько же, сколько стали в клинке. Не

больше, не меньше. А этим горцам, кроме оружия, ничего не надобно.

– Значит, оружие они все-таки куют? – вступился за Багида Эгин.

Должностному лицу необходимо быть по возможности выше помещичьих дрызг. Пусть Багид и Круст враждуют между собой. Но Князю и Истине они должны подчиняться оба. Подчиняться беспрекословно, поскольку оба они – черви во прахе под стопой Князя и пред сиянием Истины.

– Оружие куют. Только его и куют, поганое, – нехотя признал Круст Гутулан. Он, разумеется, скрыл от Эгина тот красноречивый факт, что сам подпоясан мечом из кузниц Багида Вакка по прозвищу Черноног. – А вообще приходите завтра вечером в гости, а, гиазир тайный советник? Свинью забьем, все честь по чести...

Такая быстрая смена темы разговора несколько озадачила Эгина – сначала мед, потом свинью забьем... Да и радушие Круста его озадачило. Может, на Медовом Берегу так принято, сразу звать в гости?

– Э... А зачем? То есть я хотел сказать, по какому поводу?

– Да так, гулять будем.

– Это я понял, что гулять. Что празднуем?

– А ничего. Так просто погуляем. Учитель наш местный тут будет вирши читать. С женой своей, Хеной, вас познакомлю...

– Буду весьма рад... но...

– Вот и славненько. – Круст, проигнорировавший «но», довольно потер руки. – Значит, придете?

18

Женщины и квас – вот две вещи, которые сразу понравились Эгину в Кедровой Усадьбе.

Лорма, дочь Круста, была свежа и улыбчива. Она беспрестанно строила тайному советнику глазки и явно была не прочь подарить ему что-нибудь посущественнее улыбки.

Эгин спокойно отнесся ко всем знакам внимания в свой адрес, даже не снизойдя до какого-нибудь простого маневра наподобие «я сражен вашей красотой, госпожа Лорма». Если она хочет – она получит. Но не раньше, чем захочет он. Увы, в тот день Эгин думал об Овель. Лорму пришлось оставить до лучших времен. Сколь бы милой ни была ее улыбка.

Дворовые девушки тоже были ничего – по крайней мере после жен и дочерей рыбаков, виденных Эгином в Вае, эти казались просто жемчужинами.

Не раз и не два Эгин пожалел о том, что не взял с собой Есмара – бедняге было бы очень кстати женское общество. Днем раньше Есмар тщательно обследовал Ваю и пришел к выводу, что лишь одна женщина там заслуживает его столичного внимания. Звали счастливцу Люспеной. Да и та оказалась содержанкой учителя Сорго.

Квас в Кедровой Усадьбе был, пожалуй, чересчур слад-

ким, но в остальном совершенно безупречным. На вопрос Эгина, не добавляют ли они туда меду, Круст замахал руками, будто отгоняя мошек, и, выкатив на Эгина глаза величинной с большие медные авры, сказал, что съедобного меда на Медовом Берегу вообще нет.

– Как нет? А тот, которым люди Багида торгуют с Новым Ордосом?

– Да он только называется медом, уж больно с виду похож. Говорят, он вообще не сладкий.

– А почему «говорят»?

– Потому что от прадедов к дедам, а от них к нам пришло наставление – в рот этого шилолова меда не брать, он горький такой, дух от него идет, как от бочонка с известкой. Мы для сладости кленовую патоку варим, так что нам тот мед не нужен. В общем, мед у горцев несъедобный.

– Кто же покупает такую гадость? – Эгину действительно было интересно. «Странное дело. Уезд живет тем, чего нельзя есть, но что все охотно покупают?» Эгин знал единственный род несъедобных «съедобных» товаров: яд.

– Про что не знаю, про то не скажу. Какие-то люди в Новом Ордосе покупают, а там – может, крыс травят.

«Хорошенькое дело – травить крыс снадобьем, за которым нужно ехать за тридевять земель и платить цену булатной стали», – усмехнулся Эгин. Вскоре он забыл об этом разговоре. В самом деле, какой тут мед, когда вырезают сердца офицерам Свода Равновесия!

– Так что, гиазир тайный советник, значит, ждем вас в гостях со всем радушием! – бросил напоследок Эгину Круст Гу-тулан.

19

На дороге, вблизи миловидного по вайским меркам дома, дрались двое.

– Да ты, недоносок, хоть понимаешь, на кого тянешь? – тяжело дыша, рычал первый. Это был приказчик Багида Вакка.

Он бросился на Сорго, на учителя, а по совместительству начальника почты в наглом выпаде. Его лицо было перекошено ненавистью.

Вблизи Сорго нападавший остановился, широко расставил ноги и тут же подался туловищем вперед, будто в руках у него был не меч, а морковка, которой он собирался сейчас же накормить выслужившегося осла.

Сорго в страхе попятился, но на защиту ему все-таки хватило ума.

Выгибаясь тазом вперед, Сорго держал меч как кочергу, и Эгин невольно улыбнулся. Выпускники Четвертого Поместья называли стойку, какую избрал для защиты вайский учитель, со свойственной фольклору Четвертого Поместья затейностью – «пастух, естествующий козу». Нет, если бы он, Эгин, так выгибался назад во время защиты хотя бы на одном из десяти поединков, он наверняка был бы уже десять

раз мертв.

– Оставьте нас в покое, иначе мне придется жаловаться на вас... – выпалил Сорго, в свою очередь, решившись на робкое наступление. Наступление окончилось неудачей – его противник вовремя отошел с защитой.

– Кому жаловаться? Жаловаться тайному советнику? Ха-ха-ха. Вон он, кстати, уже тебя поджидает. Жалуйся давай! Смотри, портки не потеряй, – процедил сквозь зубы узколобий и коренастый противник Сорго, кивнув в сторону Эгина.

Сорго, видно, и впрямь был недоноском. Потому что он, позабыв о противнике, тут же обернулся в сторону Эгина, тихо стоявшего поодаль, чтобы убедиться в том, что ему не солгали.

Багидов приказчик, разумеется, не замедлил предательски воспользоваться этим, и... из разодранного левого предплечья Сорго хлынула кровь. Он взвыл от боли, но меч противника все-таки отбил. Благо это было несложно.

Сталь мечей загудела, и в этом гуле Эгину явственно слышалось «поз-з-з-з-з-ор!».

«Мечи – это не дубины, и скрещивать их над головами так же глупо, как толочь алебардой виноград», – вздохнул Эгин. Он не торопился уходить. И на этот раз дело было в чистейшем любопытстве.

Эгин знал – только поединки между мастерами бывают быстрыми. Дураки и простофили дерутся долго и нудно. По-

теют. Дышат, как рудокопы при исполнении. Топочут как ломовые лошади. И болтают. И ладно бы рассказывали поучительные истории из жизни. А то, оглашая окрестности отборной руганью, только зазря сбивают себе дыхание и оскорбляют слух зрителей.

Впрочем, слуху Эгина было не привыкать. Тем более что благодаря ругани ему стала ясна суть конфликта.

Учитель Сорго и приказчик Багида дрались из-за женщины по имени Люспена.

Совсем недавно, а именно – после смерти рах-саванна Гларта, Сорго взял ее себе в содержанки или, если угодно, в постоянные наложницы. До этого Люспена была содержанкой Гларта. А еще раньше – всеобщей содержанкой. Или, куртуазно выражаясь, единственной девой свободных нравов в округе. «Единственный» и «популярный» – почти синонимы. Тут уж ничего не попишешь. К Люспене ходили все кому не лень, с подношениями и подарками. И она, по крайней мере по уверениям приказчика Багида, никому не отказывала.

Но вот после того как тайный советник Гларт взял Люспену под свою опеку, она стала отказывать всем бывшим клиентам.

Одиноким мужчины Медового Берега безропотно снесли этот удар ниже пояса, потому что делить женщин с тайными советниками – это слишком. (Легче, как выяснилось впоследствии, расстреливать тайных советников из луков.)

Но вот когда «опекуном» Люспены стал Сорго – человек, чей авторитет в округе не мог соперничать с авторитетом Гларта, – мужское недовольство нашло себе выход. В частности, в требованиях приказчика немедленно отдать ему Люспену во временное пользование. К чести Сорго, тот был категорически против.

– Я люблю госпожу Люспену. И я не позволю, чтобы такие низкие дуrolомы, как вы, измляли напрочь нежнейшие лепестки этого благоуханного первоцвета, – кружа вокруг противника, на свой манер кипятился Сорго. Меч в его перенапряженной с непривычки руке ходил ходуном. А по лбу и щекам катились крупные капли пота.

– Раз не позволишь – значит, я возьму силой, – настаивал приказчик Багида, стиснув зубы. Фехтовал он, пожалуй, даже хуже Сорго, что было почти невероятно. И брал только физической силой, которой значительно превосходил учителя.

Так продолжалось бы еще долго, если бы Сорго не допустил еще одной непростительной оплошности – он открыл свой левый бок и вдобавок оступился.

Приказчик снова ринулся вперед, словно шакал, и был уже готов рубануть нового стража Люспены с высокого замаха, как...

«Если этот кретин убьет Сорго, молодые вайские варвары останутся без учителя и доживут до седых волос, так и не узнав, кто нынче на варанском престоле и что есть Свод

Равновесия», – подумал Эгин.

В эту секунду его правая рука, словно бы совершенно невзначай, нащупала метательный нож в правом сапоге, извлекла его из-за голенища и метнула в цель.

Эгин, разумеется, попал.

Багидов приказчик вскрикнул от неожиданной боли в пробитой кисти, выронил меч и лишь благодаря этому Сорго остался жив.

– Немедленно прекратите, милостивые гиазиры. Не то один из вас сейчас отправится на виселицу с формулировкой «покушение на убийство». Причем кто именно – мне безразлично, – процедил Эгин, даже не пытаясь перекричать черную ругань раненого приказчика. Он знал, что его прекрасно слышат оба.

20

Люспену, яблоко раздора этой уродливой дуэли, в тот день он так и не увидел.

Где она пряталась, когда мужчины выясняли права на ее тело, – в саду, в доме или в курятнике? Но когда Эгин пожаловал к ней следующим утром, она встретила его на пороге своего миловидного домика на восточной окраине Ваи во всеоружии.

Не покривив душой, Эгин тут же отметил красоту единственной куртизанки Ваи. Одета Люспена была небогато, но

с большим вкусом. Ее волосы были украшены сеткой, на которой можно было разглядеть пять – семь маленьких розовых жемчужин.

Платье Люспены было сшито на столичный манер и имело глубокие вырезы на обоих рукавах, через которые виднелась не то чтобы атласная, но, возможно, шелковая нижняя рубаха.

Востроносые туфли Люспены были затейливо расшиты бисером, а у пояса в ажурных ножнах красовался маленький дамский стилет.

Эгин был удивлен этой деталью ее туалета даже больше, чем висевшим на ее шее медальоном с сакральной надписью на древнехарренском наречии. Дело в том, что женская мода носить у пояса тонкие и длинные стилеты появилась в Варане совсем недавно. Даже Овель, насколько мог вспомнить Эгин, еще не успела обзавестись таким. А Люспена – пожалуйста.

На вид Люспене было чуть больше двадцати, хотя Эгин подозревал, что благодаря секретным женским уловкам ей удастся выглядеть значительно моложе своего истинного возраста. Эгин не раз обманывался относительно возраста женщин, а потому решил оставить этот вопрос открытым.

Лицо Люспены можно было бы назвать лицом красавицы, если бы не нос, выпадающий из варанского канона красоты. Нос Люспены был длинен, глаза – миндалевидны и широки, волосы – курчавы и черны.

Она вовсе не была похожа на местных женщин, ничем не напоминала селянскую красотку Лорму и уж вовсе не походила на жительниц северного Варана. Единственная женщина, о которой вспомнил, разглядывая Люспену, Эгин, была, как ни странно, Лиг. Пришлая правительница разбойного народа смегов, обосновавшихся на Циноре. Та, что звалась своими соотечественниками Ткачом Шелковых Парусов. Лиг, которая общалась с призрачными Говорящими Хоц-Дзанга так же запросто, как с варанскими послами. Впрочем, сходство Люспены и Лиг было почти неуловимым.

– Добро пожаловать, гиазир тайный советник, – сказала Люспена, низко поклонившись ему, и добавила: – К сожалению, гиазир Сорго сейчас в отлучке и лишен счастья пообщаться с вами.

«Этой палец в рот не клади, – усмехнулся Эгин. – С порога сообщила мне как бы невзначай, что ее содержателя нет дома и если я хочу, то я могу».

Эгин не торопился заходить в дом, с интересом рассматривая крохотные владения Люспены. Садик, довольно пыльный и неухоженный. Огород, разбитый с целями, далекими от пропитания – грядка с укропом и розмарином подчистую сожрана вредным жуком, пожухшие листья сладкой тыквы...

Две мощенные серым камнем дорожки – одна ведет к дому, а другая?

– А эта ведет к колодцу, – сообщила Люспена, как бы мимоходом облизнувшись. – Правда, из него ушла вода, так что

смотреть особо не на что.

– Интересно бы взглянуть, – неожиданно предложил Эгин.

Люспена развела руками. Дескать, желание гостя – закон. Но Эгину показалось, что она отнюдь не в восторге от намерения тайного советника разгуливать по ее саду. Впрочем, как опытная в светском обращении особа, Люспена не выдала своих мыслей ни единым жестом.

21

Колодец был вполне зауряден и с виду ничем не примечателен.

Старая кладка, в каждой щели – по обленившейся сколопендре. Очень глубокий. Сухой. Рядом с колодцем примостился столик и две грубые лавки.

На одной из лавок лежали две маленькие подушки для сидения, а на другой – канийфамма. Большая оринская канийфамма, играть на которой немногим проще, чем играть в лам. Это Эгин знал совершенно точно.

– А что, милостивый гиазир Сорго не чужд музыке? – поинтересовался Эгин, про себя отмечая, что от возвышенного Сорго можно было бы ожидать и чего поинтереснее канийфаммы. Например, доски для Хаместира с полным набором фигур.

– Нет, это я играю, – смутилась Люспена, и щеки ее стыд-

ливо зарделись.

Отчего-то Эгин был уверен в том, что смущение Люспены не деланно, хоть и говорят, что смутить куртизанку – все равно что поднять медведя на зубочистке.

Пока они шли обратно к дому, Эгин размышлял о том, что Есмар был прав, когда говорил, что в Вае есть только одна стоящая женщина. «Он, правда, забыл сказать, что эта женщина даст фору многим столичным. Значит, не исключено, что рах-саванн Гларт был убит из... ревности. Из нормальной, человеческой ревности. И даже чин тайного советника, какой оберегал бы Гларта в любой другой ситуации, и даже его таланты фехтовальщика не смогли остановить злоумышленника, которым двигало чувство древнее, как само мироздание!»

Да, милостивые гиазеры, глядя на тонкий стан Люспены и ее алые губы, будто бы готовые к поцелую в любой момент дня и ночи, в версию об убийстве из ревности можно было поверить с легкостью.

22

– Говорят, вы состояли в связи с покойным? – начал Эгин, усаживаясь по правую руку от Люспены на расстоянии, чуть меньшем официального, но все-таки вполне целомудренном.

– Да, это так.

– Так кто же его убил?

Прямота вопроса, разумеется, застала Люспену врасплох. «Она небось думает, что я стану сейчас расшаркиваться и подолгу кружить вокруг да около. А она покуда сообразит, что ей врать. Дудки!» – отметил Эгин.

– По совести, я ума не приложу, гиазир Йен, – сказала та в растерянности и опустила глаза.

Как бы сам собой обзору Эгина открылся богатый лиф ее платья, у края которого обольстительно красовалась белая грудь госпожи Люспены, противоестественно приподнятая лифом вверх, опять же на столичный манер.

– Может быть, у вас есть подозрения? – поинтересовался Эгин, сдержанно отворачиваясь.

– Есть. Это кто-то из людей Багида. Или из людей Круста.

– Но ведь сказать так – это все равно как сказать, что Гларта убил человек, а не заломал медведь. Это все равно что не сказать ничего.

– Согласна, гиазир Йен. Согласна.

При этих словах длинный указательный палец Люспены буквально смахнул с плеча одну из бретелек, придерживавших лиф, и та упала на предплечье – намек, не понять которого, будучи мужчиной, невозможно.

Но в то утро Эгин был поразительно недогадлив.

Он дурно спал ночью. Он дурно провел предыдущий день. И, главное, последние дни он слишком много думал об одной столичной барышне с каштановыми волосами. Той, что ста-

ла супругой гнорра. Мысли об Овель делали Эгина бесчувственным, словно бревно, и холодным, словно черные пещеры на морском дне близ острова Перевернутая Лилия. А потому он, не поведя бровью, спросил:

– Ты ведь не местная, правда?

– Правда. Я сирота. Мои родители умерли от холеры на корабле, следовавшем в Магдорн. Меня выбросили с корабля, и я осталась здесь жить.

«Очень трогательно!» – отметил про себя Эгин. Он не верил ни одному ее слову. И все-таки, вопреки иронии, сообщение Люспены вызвало в нем что-то вроде нежного умиления.

Эгин наклонился к Люспене и припечатал невинный поцелуй к ее маленькой груди. Люспена едва ощутимо вздрогнула и запустила свою мягкую ручку в волосы Эгина.

Впрочем, дальше этого в то утро дело не зашло.

Глава 2

Сиятельная

*Пиннарин, 62 год Эры Двух Календарей
Двадцать девятый день месяца Ирг
(«предновогодняя неделя»)*

1

Писем было много. В конце года каждый тайный советник каждого уезда присылал в Свод Равновесия отчет. Уездов в Варане было тридцать четыре и в некоторых действительно совершались серьезные преступления.

Приходилось читать все, и читать обстоятельно. Чтобы решить, куда направить аррума, куда – отряд «лососей», куда – кавалерийскую сотню. Или наоборот – кого отозвать, снять с должности, понизить в чине, а то и приговорить к Жерлу Серебряной Чистоты.

Отчет тайного советника Медового Берега, как всегда, пришел одним из последних. Но задержался на столе гнорра дольше остальных. Многим дольше.

Гнорр достал письмо и принялся перечитывать в четвертый раз.

Особой важности. Лагхе Коаларе, гнорру Свода Равновесия.

Годовой отчет о состоянии дел в уезде Медовый Берег

Раздел 1. Преступления

За истекий год в уезде было совершено одно преступление средней степени против Князя и Истины и одно высшее преступление против естества вещей.

Первое совершил рудокоп из поместья местного землевладельца Багида Вакка...

У Лагхи была невероятная память. Он помнил, какого цвета были тучи над Багряным Портом в предновогодний день сорок девятого года. Он мог с точностью геометра воспроизвести очертания всех пятен крови пар-арценца Опоры Безгласых Тварей, расположившихся на его длинных одеждах в день штурма Хоц-Дзанга.

«Да, есть там такой Багид Вакк. А поместье его именуется Серый Холм. И куют там мечи на продажу. И налоги с этой торговли род Вакков издревле платит медом», – не без самодовольства пробормотал Лагха. В его памяти пышными соцветиями вспыхнули десятки имен и названий, связанных с Медовым Берегом, – результат раздумий над предыдущими донесениями Гларта.

Преступление рудокопа, который обнаружил в пещерах Малого Суингона истлевшие ножны и подозрительно чистый клинок, но отнюдь не поспешил донести об этом вайским властям, было наказано бдительным рах-саванном по всей строгости варанского закона. Рудокоп был заключен в узи-

лице, а по приходу корабля из Нового Ордоса – принудительно продан в рабство на торговые галеры. Купчая, составленная на «живое тело» рудокопа, прилагалась. Деньги отосланы в государственную казну. Меч, обнаруженный рудокопом, также был выслан и прибыл в Свод вместе с донесением.

Меч как меч. Безопасно Измененный вековым закланием от ржавчины. Ерунда. Дело закрыто.

«Второе преступление совершено Измененной вещью, предположительно эпохи Звезднорожденных».

На этом месте Лагха в четвертый раз покачал головой. Непростительно для рах-саванна Свода, совершенно непростительно! Его предшественник, гнорр Карувв, за такие слова в отчетах приговаривал даже аррумов. Пять веков им твердят: не было никаких Звезднорожденных, не было и быть не могло. И войны Третьего Вздоха Хуммера тоже не было! А он – «...эпохи Звезднорожденных»! Раз не было Звезднорожденных, значит, нет и «эпохи Звезднорожденных»! А времена Инна окс Лагина называются теперь Героическими. Ясно?!

Лагха криво усмехнулся, припомнив бесконечно изменчивые глаза Элиена, Звезднорожденного, с которым его судьба свела только один раз. И грустную улыбку Шета окс Лагина, Звезднорожденного, виденного им трижды. И подумал, что героического в тех временах было, мягко говоря, мало. Лишь цепь взаимных роковых недоразумений, кото-

рые погубили всех сильнейших Круга Земель и оставили после себя множество Изменений.

Лагха не был буквоедом и ему было все равно, как называть времена шестивековой давности. Поэтому он ограничился занесением Гларта в список офицеров, подлежащих письменному взысканию за превратный образ мыслей, и продолжил чтение.

«Упомянутая Измененная вещь представляет собой струну от канийфаммы, обладающую, судя по всему, колдовским воздействием на земные недра. Указанная струна способна издавать один и тот же настырно повторяющийся звук. Трижды мною было подмечено ответное колебание земли.

Одна из трех криветок-призраков в моем Зраке Истины умерла при зарождающемся Изумрудным Трепете, когда я пытался созерцать упомянутую струну. По этому поводу прилагаю к сему отчету запрос на получение нового Зрака Истины, испорченный Зрак и упомянутую Измененную вещь.

От своего имени осмелюсь советовать приговорить эту Измененную вещь к Жерлу Серебряной Чистоты. Ибо следует полагать, что эта хуммерова струна есть лишь наполовину испорченная часть некоего цельного колдовского инструмента, имеющего вид, близкий к канийфамме, и назначенный к тому, чтобы вызывать сильные сотрясения земных недр, приводящие к разрушительным последствиям.

Имею также предположение, что указанный колдовской

инструмент находится здесь, в уезде Медовый Берег. Наме-
рен предпринять самые деятельные поиски при участии сол-
дат вайского гарнизона».

Струна тоже лежала на столе перед гнорром. Лагха задум-
чиво намотал ее на палец. «Сотрясения земных недр... Жер-
ло Серебряной Чистоты... ха-ха!»

Во-первых, Гларт ошибался в датировке. Струне было лет
сто от силы. Это гнорр чувствовал безошибочно. Струна
хранила слабый След пальцев Гларта и нескольких женщин.
Женские Следы были немногим старше глартовских. Зна-
чит, какая-то особа дрючила струну сравнительно недавно.
Знать об этом Гларт не мог, потому что был рах-саванном,
то есть не прошел еще Второго Посвящения, после которо-
го офицер Свода становится аррумом и начинает различать
Следы. Поэтому о том, что искать следует женщину, необхо-
димо отписать ему как можно скорее.

Во-вторых, Гларта было за что мысленно пожурить.

Да если бы, братец, эта почти безобидная игрушка, пред-
назначенная для какой-то сравнительно несложной пастыр-
ской лиры, действительно могла вот так запросто вызывать
землетрясения, разве следовало бы отправлять ее в Жерло!
О нет, я, гнорр Свода Равновесия, первым заказал бы сотню
лир с вот такими точно струнами. И разослал бы офицеров
Опоры Вещей по всем столицам мира. Инкогнито, разуме-
ется. И они сидели бы тихо, как мыши. До того часа, пока
мне не вздумалось бы осадить южан, погубив их столицу в

родовых схватках земли. Или северян – провалив Харрену в хуммерову бездну. Гвардейские сотни струнодеров, Шилол их подери! И все – в девственно-белых хламидах.

Да понимаешь ли ты, братец Гларт, что такое настоящие Танцы? Несравненному Шету окс Лагину в определенном смысле понадобилась вся жизнь, чтобы сделать одну-единственную двойную флейту и один Ветер, гонимый флейтой во имя сокрушения лепестков одной-единственной Розы! А тут – любым «настырно повторяющимся звуком» колебать любые недра! Это как одним настырно хлюпающим веслом гнать по морю пятярусный файелант с тремя сотнями матросов и четырьмя сотнями воинов!

Лагха растянул струну и побренчал по ней большим пальцем.

Да, от нее определенно исходит какой-то зов.

Для обычного человеческого слуха он совсем негромок. Но тварь, умеющая прислушиваться к колебаниям иных тканей бытия, услышит его, быть может, за десятки лиг. Так тягловые каракатицы времен Торвента Мудрого слышали флейты своих пастырей, так Октанг Урайн призывал своих Серебряных Птиц и почти так же общаются люди из Опоры Безглазых Тварей с животными-девять и почтовыми альбатросами. Впрочем, нет. Урайн на то и был Звезднорожденным, чтобы обходиться без флейты и канийфаммы. Но это не важно.

В общем, в назначении струны не было ничего особенного. Вот только неясно, для какой именно твари Изменена

эта струна. Изменена настолько, что Зрак Истины не выдержал. Сама по себе тварь должна быть очень и очень Измененной. Должна быть Чудовищем Хуммера. А какие из Чудовищ Хуммера могли сохраниться вплоть до Эры Двух Календарей?

Отличный трактат о Чудовищах Хуммера написал когда-то Октанг Урайн. А Шет окс Лагин разукрасил его отменными рисунками. Были же когда-то у Варана просвещенные князья, хуммерово семя! И под каждым из рисунков стояла подпись: «Уничтожено тогда-то тем-то там-то». Или – если чудовищ одного вида было много – «Истреблены с такого-то по такое-то время теми-то там-то».

Под каждым рисунком! Под кутах, под Аскутахэ, под Серебряными Птицами, под Зверем Зуанрат, под Девкатрой, под Смерть-Рыбой, под магдорнским Тритоном. Иными словами, если верить трактату (а истинные письма Звезднорожденных заслуживают полного доверия), – Чудовища Хуммера погибли еще в эту самую Героическую эпоху. Именно Чудовища Хуммера! Потому что подчас не менее чудовищные чудовища Опоры Безгласых Тварей или исчадия Гиэннеры никакого прямого отношения к Хуммеру не имеют. Ну а зачем тогда кто-то потерял свежую, совсем свежую струну, взывающую к Чудовищам Хуммера, если чудовищ никаких не осталось?

Лагха задумчиво куснул нижнюю губу – это была, пожалуй, единственная мальчишеская привычка, которая оста-

лась у него от детства, проведенного в Багряном Порту. Ну ладно-ладно. Так, сидя в своем кабинете на вершине Свода, он ничего не решит.

К тому же самое интересное было написано в отчете Гларта ниже.

Там, где с точки зрения Гларта не было и не могло быть совсем ничего интересного.

В третьем разделе «Слухи и досужие вымыслы», после раздела второго «Наблюдения над состоянием дел Жезла и Браслета».

2

«Четыре основных рода слухов бередят умы местного населения.

Во-первых, когда до Медового Берега дошли вести о новой княгине и об обстоятельствах, сопутствовавших ее восхождению на варанский престол...»

Да. Лагха поморщился. Обстоятельства были. И еще какие!

«Во-вторых, как и раньше, поговаривают о войне то с Аютом, то с Югом. Мои соображения таковы, что болтают об этом здесь испокон веков и преимущественно от скуки. К тому же постоянная готовность народа к войне есть дело скорее доброе, нежели злое. Поэтому подобные разговоры я оставляю без внимания.

В-третьих, люди Круста Гутулана уверяют, что Багид Вакк продал свои ноги Шилолу в обмен на пятьдесят лишних лет жизни. Болтовню подобного рода пресекаю зуботычинами, а особо злостную – плетью. Также разъясняю всем, что Шилола нет, а если бы и был, то две кривые ноги Багида за лишних пятьдесят лет жизни – слишком низкая плата».

«О да!» – усмехнулся Лагха в этом месте письма. Гларт не был лишен своеобразного чувства юмора.

«И в-четвертых, множится число рассказней о Прокаженном. Они достаточно скудны на фоне бесконечных пересудов о произошедшем в столице. И все-таки мой долг офицера упомянуть и о них.

Прокаженный морочит людей Багида, которые ходят торговать с горцами. Прокаженный несколько раз появлялся в окрестностях Серого Холма и даже якобы получил две стрелы от людей Багида. Но когда поднялись на холм, вершина которого была сплошь покрыта кустарником, тело найти так и не смогли. Впрочем, как рассказывал мне один ремесленник из Ваи, кое-что все-таки нашли. Его козу, застреленную пьяными людьми Багида.

Также говорят, что Прокаженный однажды вывел из болот заблудившегося ребенка. С самим ребенком мне поговорить не довелось, ибо на следующей неделе он умер от укуса змеи, но его родители рассказывали следующее. Прокаженный ходит по болоту, словно посуху. Прокаженный не имеет при себе мертвящего металла, но носит с собой длинную «тростин-

ку». Уверяют, что мертвящий металл ему не нужен, ибо вместо рук у него – змеи, которыми он может бить с невероятной быстротой и сразу насмерть. Многие считают, что именно по вине Прокаженного за последние три года неожиданно возросло число простолюдинов, сгинувших без следа в горах и на болотах. Есть также мнение, что Прокаженный умеет оживлять людей. Это соображение мне очень не понравилось и высказавший его получил тридцать плетей.

Назван он Прокаженным, потому что когда-то двое пастухов, бивших острогами рыбу в верховьях Ужицы, видели его голову без капюшона (капюшон – единственная, пожалуй, подробность, на которой все остальные очевидцы сходятся). Голова торчала из воды и перемещалась очень быстро, хотя с виду Прокаженный не греб руками. Все происходило в сумерках, и они не разглядели деталей, но голова существа показалась им лишенной растительности. А лицо, как уверяли пастухи, имело провалившийся нос. Как у прокаженного».

Вот. Вот оно! Лагха читал всю эту галиматью четвертый раз за день и только сейчас, пообвыкнувшись со своим предположением, смутно возникшим еще при первом чтении, был вынужден заключить, что из всех версий придется принять самую невероятную.

И если это тот, о ком думает Лагха...

Чтобы успокоиться и еще раз собраться с мыслями, Лагха взялся за раздел пятый, «Состояние недр и угодий».

«Недород...», «урожай сам-два...», «весенний разлив Ужицы...», «...новые земляные работы на Сером Холме»... – рокот этих простых слов баюкал и успокаивал. И если бы не приход Альсима, пар-арценца Опоры Вещей, который явился с докладом о положении дел в Хилларне, гнорр мог бы и задремать.

3

Пиннаринский дворец Сиятельных князей Варана, расположенный неподалеку от здания Свода Равновесия, был велик и мрачен.

Здесь принимают послов. Здесь заседает Совет Шестидесяти. Здесь дают пышные званые обеды. Здесь, взяв под локоток впечатлительного оринского дипломата, можно вывести его на один из огромных балконов, на каждом из которых днем и ночью прогуливаются по два великолепных гвардейских офицера, и, ткнув пальцем в массивную громаду Свода, сказать что-нибудь этакое: «А что, дражайший, может быть, заглянем на чарку винца к нашим умникам?» И невинно скоситься на стремительно бледнеющие щеки прохиндея из Орина, с которым вы, глава Торгового Дома, уже второй месяц не можете сойтись в таможенных ставках на провоз гортело хелтанским народам.

Пиннаринский дворец на площади Шета окс Лагина создан для власти и живет одною лишь властью. Другое дело

– Террасы.

За этим коротким и простым словом для каждого вранского придворного кроются озера и тропки, разноцветные ручьи с искусственной прохладой и укромные беседки, живописные валуны и живительный флирт, вино, женский смех, игры в харренские прятки и катание на изящных лодках-лебедях в Нашем Алустрале.

– Если вы устали, то вам... вовсе не обязательно следовать за нами далее. Я нахожу себя... в обществе гнорра в полнейшей безопасности.

Сиятельная княгиня старательно демонстрировала гнорру Свода Равновесия свое волнение. Запинки в речи должны были выказать ее «одержимость хмелем» и, следовательно, доступность.

Ее слова были обращены к десяти телохранителям из числа гвардейских офицеров, которые второй час слонялись вслед за своей госпожой по Террасам.

Несчастные своей хрустальной трезвостью, хмурые среди всеобщего веселья, отягощенные оружием и латами, офицеры потели под своими длинными плащами. Весна на этот новый год выдалась очень ранней.

Старший над телохранителями вопросительно и не без надежды посмотрел на гнорра.

Лагха хорошо знал этого «гвардейца».

Молодой аррум Опоры Единства, чем-то похожий на Эгина. Этому тоже повезло выжить в мятеже Норо окс Шина. И

не просто выжить, а оказать ему, Лагхе, достаточно ценную услугу.

Лагха, который знал, что рано или поздно свершится все, чему суждено свершиться, лениво кивнул и сказал, обращаясь к Сайле:

– Вне всякого сомнения, Сиятельная, пусть подождут нас здесь. И мне даже кажется, что кравчие возле вон той беседки, – Лагха указал на ярко освещенную изнутри ажурную постройку, из которой доносился раскатистый гогот каких-то молодых повес, – могут наполнить кубки вашим неусыпным стражам.

Вообще говоря, Лагха не любил делать какие бы то ни было поблажки подчиненным.

Но сегодня, после отчета Гларта и разговора с Альсимом, у гнорра было отменное настроение, ибо он чувствовал, что на границах княжества зреет большая бойня. А большая бойня – большой путь. Возможно, тот самый, ради которого он, Отраженный, вновь пришел в мир.

И главное – эти десять бездельников, волею варанских законов обреченных охранять вздорную бабенку с цепью Властелина Морей, вызывали у Лагхи искреннее сочувствие. В конце концов, круглые сутки дышать пылью из-под сафьяновых туфель Сиятельной – не самое большое удовольствие для воина.

Итак, молодящаяся (а в действительности не очень-то молодая) и вдовствующая (весьма, впрочем, условно) Сиятель-

ная княгиня хотела совратить молодого и женатого Лагху Колару.

Лагха это прекрасно понимал. Сайла была Лагхе совершенно безразлична. Но он ничего не имел против.

4

Дальше все было очень просто.

Сиятельная затащила Лагху на самую верхнюю, полуди-кую террасу. Там располагались сараи с садовым инструмен-том, постройки с необходимым для подкрашивания и арома-тизации ручьев, зимние домики для павлинов и мандарин-ских уток и прочее, без чего роскошный сад за несколько лет превращается в живописную чащобу.

На середине лестницы Сайла исс Тамай взяла Лагху под руку и начала лепетать что-то относительно того, как при-ятно порой чувствовать себя не высокомерной правительни-цей, а просто взбалмошной девчонкой, которая пугается ко-ней, подсматривает за грубыми утехами слуг в людской и не понимает разницы между «мальчиком» и «юношей».

Лагха довольно сдержанно хмыкал. Дескать, понимаю вас, а как же.

Когда они поднялись, в голосе Сайлы Лагхе слышалось растущее напряжение.

Княгиня явно высматривала, куда было бы сподручнее за-тащить свою властительную жертву. Вот прямо так, на траве,

Сайла, похоже, не привыкла. Ну и он тоже. По крайней мере в последнем та-лан отражении. В предыдущем Кальт Лозоходец в юношестве любил не только на траве, но и в ледяном горном потоке, на поле битвы среди еще теплых тел, в походной повозке и трижды – на шкуре, второпях брошенной в жестокий снег Северной Лезы.

– Ну что? – спросил Лагха с грубостью, которой от себя не ожидал. – Ты по сей день боишься коней?

Сайла вздрогнула. Она была из тех, для кого грубость и властность – почти одно и то же. Она романтически захлопала напудренными черной пудрой ресницами – дескать, я в твоих руках.

– Пойдем, – приказал Лагха и потащил млеющую Сайлу в постройку, из-под фундамента которой разбежались пять светящихся розовым светом ручьев. От воды пахло фиалкой.

5

Еще год назад Лагха был девственником. Потому что только таким путем, по уверениям мага Ибалара, он мог накапливать и сохранять свою силу.

Потом в руки Лагхи попала Овель исс Тамай (между прочим – племянница Сайлы). Ее След был хорош. Она была хороша. И гнорр пришел к выводу, что не стоит во всем беззаветно доверяться вот уж восемь лет как покойному эвероноту. Тем более что со временем Лагха осознал: ему нуж-

на жена. Нужна именно потому, что слугам Князя и Истины – всем без исключения, от эрм-саванна до гнорра – жен иметь запрещено. Но времена меняются, милостивые гиазиры. Любой власти для Отраженного слишком мало. И лишний раз показать всему Варану, что ты превыше всех, что ты можешь позволить себе наперекор разным Заветам жениться на молоденькой распутнице из древнейшего варанского рода, – именно то, что нужно гнорру, дабы все поняли, что его власть растет изо дня в день и, значит, ей нет предела в грядущей вечности.

Лагха сделал свой выбор и, поскольку Овель благодаря Эгину посчастливилось выжить, взял ее в жены.

Но Овель была холодна с ним. Она исполняла свои обязанности супруги с подчеркнутым равнодушием и строжайшим образом следовала Уложениям Жезла и Браслета.

Лагхе вроде бы это было безразлично. Ведь Отраженные не знают любви. Он повторял это себе, стиснув зубы, по десять раз в день. Отраженные не знают любви. И все-таки – они любят. Любят если не женщин, то их обожание, восхищенные взгляды, признательные вздохи на рассвете. Всего этого Овель Лагхе дать не могла. А Сайла – смогла.

Когда эта уже не очень молодая женщина неожиданно улыбнулась ему, Лагхе, ослепительной улыбкой блаженства, Лагха подумал: «Да, Шилол меня раздери, Ибалар все-таки мог выжить».

А когда Сайла приступила к Сочетанию Устами, Лагха,

рассеянно запустив пятерню в ее удивительно густые волосы, вспомнил заключительные слова из доклада Альсима: «Таким образом, можно не сомневаться в том, что в наступающем шестьдесят третьем году южане рассчитывают применить военную силу в море Савват».

И только на третий раз Лагха, разъяренный хаосом в собственных мыслях и догадках, вошел в Сайлу с неподдельной страстью. И когда Сайла издала восхищенный стон, под сердцем Лагхи что-то кольнуло.

Молодящаяся княгиня, про которую шутили, что ее первым любовником был Инн окс Лагин, определенно пришлась ему по нраву. Не то что ее племянница – ослепительная и холодная, словно бескрайний снежный ковер Северной Лезы, родины Кальта Лозоходца.

Глава 3

Шестьдесят коротких колоколов

*Медовый Берег, 63 год Эры Двух Календарей
Вечер второго дня месяца Алидам*

1

Разгоряченное запретным аютским вином дыхание Лормы было частым, неровным, взволнованным. И его губы прикоснулись к ее губам, чтобы испить эту хмельную свежесть без остатка.

– Вы, вы, тайный советник... – пролепетала она, отступая на шаг.

– Зови меня Йен.

Дальше отступать было некуда. Дальше, насколько мог видеть Эгин, он же Йен окс Тамма, тайный советник уезда Медовый Берег, при бледном, скупом свете заходящей луны, сочившемся сквозь узкое окно под потолком, был стол.

Эгин, в свою очередь, сделал шаг вперед.

Теперь он вновь стоял перед ней на расстоянии меньшем, чем то допускают приличия. Ягодицы Лормы прикоснулись к массивной дубовой столешнице. Об этом поведали Эгину пальцы его левой руки, скользнувшей по спине Лормы вниз

– вниз, в надежде пройти по соблазнительной мягкой ложбинке, до времени скрытой бархатом ее длинного претенциозного платья.

Лорма вздрогнула как лань, перед влажным носом которой пронеслась быстроперая стрела.

Вздрогнула и, пожалуй, имей она путь к бегству, могла бы и убежать. «Нет, не могла бы. Просто не захотела бы», – мелькнуло в сознании Эгина, чресла которого уже наполнились свинцовой тяжестью вождения.

Преодолев слабое, показательное сопротивление Лормы, Эгин обнял ее правой рукой, привлек к себе, и его левая рука наконец обрела желанное, проскользнув в новообращенный просвет между столешницей и «наименьшей из двух спин» Лормы, как, пожалуй, не преминул бы выразиться щепетильный учитель Сорго.

– Советник, я буду кричать, – заявила Лорма неожиданно строго. Но недостаточно громко. В общем-то, скорее шепнула, нежели сказала. Это означало «да». Впрочем, даже если бы это означало «нет», Эгин быстро объяснил бы Лорме, что сказала она именно «да».

– Кричи, – сказал он тихо, старательно вкладывая в свой голос излюбленную и неповторимую нежную хрипотцу из репертуара столичных любезников. Эгин наложил на уста Лормы печать тяжелого, тягучего поцелуя. Поцелуя любви и власти.

Если бы у него было время... Если бы у них было время...

«К сожалению, все еще впереди, – одернул себя Эгин. – А пока что обойдется без запретного. Сегодня Уложения Жезла и Браслета пребудут в неприкосновенности. Нет времени. Сейчас нет времени, иначе наше отсутствие станет чересчур уж подозрительным. Милостивому гиазире тайному советнику, понимаете ли, вздумалось поглядеть в дальноглядную трубу на звезды. А дочери землевладельца Круста Гутулана возжаждалось препроводить тайного советника на самый верх Перстовой Башни!»

Лорма лишь восхищенно ойкнула, когда Эгин рывком развернул ее к себе спиной и, наградив поцелуем в шею, распластал гибкий стан местной крали на столе.

Поддавшись сильным рукам Эгина, в общем-то совершенно непохожим на обычные холеные грабли государственных чиновников, мягко шурша, по бедрам Лормы поползло вверх платье.

Одним артистичным движением Эгин ловко распустил шнуровку на своих парчовых голубых рейтузах (узлы были исподволь ослаблены еще за столом). И, предоставив своим рукам вольно ласкать не по летам крупные груди Лормы, ввел своего Гиазира в покои невинности так, как то принято у людей Свода Равновесия – очень, очень требовательно. Он здесь хозяин. Он – и никто другой.

– Нет. Сейчас нам пора возвращаться, – сухо сказал Эгин, собственноручно отирая внутреннюю поверхность бедер Лормы посредством льняного платка для чистки «облачных» клинков.

Лорма рассеяно следила за проявлениями Эгиновой заботы. Чувствовалось, мужская забота не была ей внове.

«Платок придется выбросить. А ведь их не так уж много – всего семь. Подумать только – до того, как познакомиться со мной, бедняжка действительно не знала, что такое дальноглядная труба. Это до двадцати-то лет, о Шилол!» – в некотором сумбуре, перескакивая с одной темы на другую, размышлял Эгин.

Ласки Эгина имели мало общего с загадочными и туманными «романтическими» местами из не запрещенных Сводом светских романов. И уж совсем мало общего с ласками ее прежнего кавалера – заезжего торговца галантереей. Кажалось, речь шла о разных вещах. Хотя вроде бы об одних и тех же... Не в силах с ходу осмыслить этот парадокс, Лорма совершенно утратила чувство действительности.

– Ты сказал нет. А почему нет? Это ведь так быстро! – поинтересовалась Лорма недоуменным тоном капризной девочки.

Эгин не сдержался и хохотнул – после этого «быстро» он

был весь в мыле. Его рубаха прилипла к спине.

– С точки зрения вечности, это, конечно, быстро. Но сейчас нужно спешить – твои родители ждут нас. Мы будем встречаться еще не раз и не два. И ты еще научишься по-настоящему ценить это время. Но сейчас надо идти. Мы уже все звезды пересчитали.

– Не все, – блеснули обнаженные улыбкой зубы Лормы.

– Послушай, Лорма, – Эгин взял ее за плечи и, словно щенок, потерся своим носом о ее, – ты очень красивая девушка и я буду любить тебя долго и часто. Настолько долго и часто, насколько позволят мои обязанности тайного советника. Но если твой отец, а в особенности же мамаша, что-то заподозрят, они в первую очередь прикажут конюхам тебя высечь. А во вторую очередь...

– Меня никогда не секли, – пожала плечами Лорма и, неожиданно ловко пропустив пальцы между Эгиновой шнуровкой на панталонах, прикоснулась к нему так, что тот против своей воли вздрогнул от неожиданности.

«Подруга с подходцами!» – вспомнилось Эгину. Это была самая лестная характеристика, на какую мог сподобиться в адрес женщины его бывший друг Иланаф. Четвертованный по приказанию гнорра почти год назад.

Сам Эгин чуть не прыснул со смеху над своей реакцией: словно бы не Лорма, а он – пугливый новичок, которого домогается развратная бабенка. В этот момент Эгину пришло в голову, что опасаться ему, собственно, совершенно нечего

– ну заподозрит папаша, ну заподозрит мамаша, ну заподозрят гости... В самом худшем случае придется зарубить папашу в честном поединке. В лучшем – пристанут, чтобы он женился на дочери-сокровище. В наиболее вероятном – будут стращать доносом в Свод Равновесия, ха-ха. «Это звучит – донос на аррума!»

Лорма тем временем опустилась на колени. Что будет дальше, Эгин догадывался. Он не сомневался в том, что это задержит их еще по меньшей мере на десять минут, ибо девушка едва ли искушена в Первом Сочетании Устами. Но решительно спрятать извлеченного требовательными пальцами Лормы Гиазира прочь, подальше от горячих губ девушки, Эгин не мог. Ибо это не соответствовало бы доблестям и достоинству аррума Опоры Вещей.

3

Когда они наконец вернулись в гостевой зал, чтобы присоединиться ко всеобщему веселью, их взорам открылась дурацкая и в чем-то неуловимо жутковатая картина.

Мамаша Лормы, барыня Хена, здоровая баба в летах, лежала, упитая до бесчувствия, на медвежьих шкурах, живописно наваленных в углу зала.

– Ну вот... А ты говорил, родители нас заждались, – укоризненно шепнула Эгину Лорма. – Могли бы еще... погулять.

Итак, мамаша Лормы уже отдыхала. Папаша, вполне симпатичный Эгину мужик с невероятным южным именем Круст Гутулан, подперев багровую рожу кулаками, пялился туда же, куда и все, – в центр стола.

«Все» – это управляющий имения со своей супругой, странной женщиной, лицо которой было украшено шрамом от виска до подбородка, а пояс – кривым «трехладонным» ножом.

Четверо лучших пастухов Круста с разбойными рожами. И сокольник с двумя соколами на обоих плечах.

Вся честная компания мутными, покрасневшими от усталости и пьянства глазами следила за тем, как выламывается и завывает уже знакомый Эгину Сорго – вожак и наставник вайского отрочества, начальник почты.

Помимо всего прочего, Сорго был поэтом. В моменты экзальтации Сорго уверял Эгина, что в действительности он – не Сорго, а воплотившийся в неподходящем теле древний харренский стихопевец Астез Торк.

По этому поводу Сорго мог процитировать наизусть любое место из шеститомных «Исторических поэм». И требовал от вверенных ему отроков, чтобы те величали его «несравненным Астезом».

В свободное время Сорго занимался сочинением длиннейшей и нуднейшей драмы «Инн окс Лагин, отец наш основатель».

Об этом он не преминул сообщить Эгину при первой же

беседе в садике у дома Люспены. Видимо, Сорго рассчитывал, что Эгин упомянет о нем в следующем отчете гнорру. В этом смысле Сорго явно недооценивал покойного Гларта – тот прилежно упоминал о нем в каждом рапорте. Благодаря чему в архивах Свода имелась полная перепись трудов Сорго из Ваи. Не каждый столичный стихопевец удостоивался такой чести.

Тогда, в садике у дома Люспены, Эгин вполне справедливо заметил:

– Не приведи Шилол вам, Сорго, в действительности оказаться перевоплотившимся Астезом Торком. Ведь в этом случае по законам, установленным еще при Инне окс Лагине, «отце нашем основателе», вас ждет Жерло Серебряной Чистоты.

К огромному изумлению Эгина, лицо Сорго просияло и поэт радостно спросил:

– Правда? Настоящее Жерло Серебряной Чистоты?

В общем, Сорго, с точки зрения Эгина, был законченным идиотом. Наверное, только благодаря этому он умудрился уцелеть при прежних тайных советниках, несмотря на многочисленные доносы соседей.

Итак, пьяный вдрабадан Сорго качался, стоя на столе, посреди опрокинутых кубков и перетоптанных его сапожищами перепелов.

Губы Сорго были перемазаны чем-то красным. «Стало быть, кровь изображает на устах», – догадался Эгин.

В левой руке Сорго сжимал телячью печень, тушенную в яичном соусе, и, гневно потрясая ею над головой, орал:

– И вот преисполнится скверною суша! И вот, под землей расцветая, питаюсь чужою игрою, появится нечто и выест всю землю под миром! И вот истекут из хуммеровых уст указанья...

Сорго тяжело перевел дух. В его глазах стояла стена вдохновения. Он пребывал в вещем трансе. В совершенном бесчувствии. Однако бесчувствие не мешало ему складно и быстро импровизировать тяжелыми астетовыми стопами – вскоре Сорго продолжил:

– ...указанья... для сердца, изъятого прочь через реберный короб! И выйдут не люди, но лишь истребители плоти, и новое сердце отыщут себе на поживу!

С этими словами Сорго сжал пальцы, и телячья печень, развалившись, посыпалась неряшливыми кусками на стол.

«Ага, стало быть, это у нас сердце», – сообразил Эгин. Лорма рядом с ним пожирала Сорго глазами. Видимо, она была привычна к таким декламациям и находила в них известное удовольствие.

Эгину не понравился странный разгул Сорго. Он нашел, что все это не имеет никакого отношения к поэзии. Скорее уж – к чревоуещанию. Эгину страстно захотелось уйти. Но как же Лорма?

Но слушатели Сорго, то ли в силу изрядной сытости и пьяного благодушия, то ли действительно захваченные неисто-

выми глаголами, сидели смирно. И даже разбитные пастухи не позволяли себе невежественно скалиться.

– Пойдем отсюда. Мне страшно, и я хочу совсем другого. – Лорма дернула Эгина за рукав.

«М-да, а ведь она права. Веселое здесь общество. Могли сидеть в башне хоть до утра – эти и не заметили бы. Куда уж! Тут поэзия, милостивые гиазиры!» – подумал Эгин.

– А лучше, – не унималась Лорма, – скажи ему, чтобы он немедленно прекратил. Он такой добрый, а рассказывает такие ужасные, ужасные вещи! Прикажи ему прекратить! Сделай что-нибудь!

В душе Эгина боролись противоположные чувства.

Дать Сорго в рожу, заключить его под стражу и предъявить обвинение... в чем? Эгин был напрочь лишен сноровки офицеров Опоры Благодетеля, которые могут взять человека в оборот за что угодно – хоть за чересчур темный камень в перстне, хоть за скользкий анекдот...

«Можно, конечно, просто подсесть Сорго ножнами. Подхватить, пока он будет падать, и бросить прислуге, что топчется у стены, с веселым криком „Бычка – в ясли!“. Только, прекратив один бардак, я тут же начну другой. Не гарантия, что вся эта возня приведет Лорму в восторг», – рассуждал Эгин.

Выходило, что проще всего оставить без внимания капризы Лормы и вернуться с ней наверх. А там – хоть Второе Сочетание Устами (она его заслужила своим Первым), хоть

просто сочетание, хоть и поговорить. В конце концов, в Вае он не поговорил ни с одной женщиной! Только служба, только допросы, только глупая болтовня с Тэном о столичном оружии, а с Есмаром – о здешних бабах.

«В общем, можно продолжить подсчет звезд – Лорма небось и в созвездиях не разбирается».

– Я не хочу его прерывать. Твой отец, вот, например, слушает... Так что лучше пойдем отсюда – куда угодно. Хоть в сад...

Под ногами Эгина едва ощутимо вздрогнул пол.

Вздрогнул столь слабо, что этого пока не почувствовала бы даже собака.

Но он, аррум Опоры Вещей, все-таки почувствовал.

«Ну и что? Тут у них трясет каждый день. Два горных кряжа – Большой и Малый Суингоны – и в придачу к ним несколько потухших вулканов вкупе с одним все еще ворчащим. Как это они его здесь называют?..»

Как называют вулкан, Эгин так и не удосужился спросить за три недели. Несмотря на вполне рационалистические объяснения подземной дрожи, на душе у Эгина было тревожно.

– Что случилось, а? – недоумевала Лорма. Эгин, увлеченный своими размышлениями, неожиданно для самого себе остановился, вглядываясь в темень за стрельчатым окошком.

– Ничего, идем, – пожал плечами Эгин, стараясь казаться бодрым.

Но не успели они и шагу ступить в направлении лестни-

цы, как за их спинами раздался дикий, нечеловеческий вой Сорго. Ему вторил грохот бьющейся посуды.

– О-о-они уже zde-e-есь!

Лорма закрыла уши и истошно завизжала.

«Ну это уж слишком. Определенно, замордую придурка! Пусть учится себя вести», – подумал Эгин, резко поворачиваясь обратно к залу и одновременно с этим извлекая из ножен свой клинок.

Он еще не понимал, зачем он это делает. Он еще не понимал ничего. Но что-то уже определенно начало свершаться.

– Это точно, милостивые гиацинты! «Они» – я и Лорма – уже здесь! – рявкнул Эгин, стремительными шагами меряя зал.

Лежа навзничь на столе, в конвульсиях содрогался нечленораздельно мычащий Сорго.

Все остальные словно только что пробудились от тяжелого сна.

Круст Гутулан встал в полный рост и тер лицо ладонями, словно собирался стереть с него сонливость вместе с кожей.

Соколы с клекотом хлопали крыльями.

Пастухи, послушные окрику управляющего поместья, схватили за руки и за ноги бьющегося в истерике Сорго. «Так он что – эпилептик?» Эта мысль несколько остудила пыл Эгина.

И только жена управляющего поместья вела себя по-другому. Загадочно улыбаясь краешком рта приближающему-

ся Эгину, она медленно тянула из-за пояса свой «трехладонный» нож.

Медленно. «Но ведь за обедом она достала его почти молниеносно!» – вспомнил Эгин. Лишь теперь он сообразил, что события начали свершаться вокруг него с невообразимой тягучей медлительностью.

И лишь он, Эгин, вроде бы пока не вязнет в воздухе как муха в сиропе.

«Ну все, конец тебе, учитель Сорго. Не я, так эта девка тебя зарежет!» – промелькнуло в голове Эгина. Краем глаза он заметил, что его безупречно чистый «облачный» клинок начал дымчато мутнеть.

Обнаженный «облачный» меч никогда не мутнеет зря.

С тех пор как Эгин, аррум Опоры Вещей, для простых смертных – просто Йен окс Тамма, тайный советник уезда Медовый Берег, получил его из рук гнорра, прошло несколько более полугода.

За это время Эгин обнажал «облачный» меч трижды. И трижды по его небесной красоты клинку ползли белесые, сиреневые, малиновые, багровые облака. Трижды Эгин отмывал облака кровью врага. А от крови клинок отмывался водой и заговоренным льняным платком – в точности таким, каким полчаса назад Эгин отер бедра Лормы от жидкости иного смысла.

Эгин не понимал, почему вдруг эта женщина с мужским шрамом решила убить Сорго.

Он не понимал, отчего сам столь яростен. Отчего за стенами зала с протяжным и мощным ревом, неторопливо затопляя отблесками стекла, полыхнула оранжевая зарница. И отчего пол под его ногами пошел вверх, словно бы совершая глубокий и тягостный вдох.

Сейчас вокруг него происходило нечто, что будет им осмыслено и понято значительно позже.

А пока что Эгин просто делал то, к чему вели его обнаженный меч и Раздавленное Время, хотя о последнем он пока и не догадывался.

Эгин успел. Когда «трехладонный» нож жены управляющего, дописывая гибельную дугу, приблизился к сердцу Сорго как раз на расстояние трех ладоней, Эгин был от нее в точности на расстоянии вытянутого клинка.

И его меч обагрился кровью. В этот момент Раздавленное Время выплюнуло аррума Эгина обратно.

– Ш-ш-шилорова кровь, – шипела от боли супруга управ-

ляющего, трясая кистью, удар по которой Эгин из всех сил пытался направить плашмя. Но очень сложно пробить боковой удар плашмя чисто, милостивые гиацинты. Поэтому Эгин не только выбил у нее «трехладонный» нож, но также расшиб кости ее кисти и рассек несколько худых вен на тыльной стороне ладони, кровью каковых, к счастью, его клинок вроде бы насытился.

Сорго, который, как ни крути, во второй раз оказался обязанным Эгину жизнью, тоже досталось изрядно.

Свой второй удар Эгин направил беснующемуся учителю по кадыку. С душераздирающего воя тот перешел на хриплый кашель, что было все-таки легче терпеть.

Все произошло так быстро, что, кроме Эгина и, быть может, жены управляющего, никто не успел сообразить, что происходит. Это было хорошо.

Остальное было плохо.

Ибо окна уже струились градом звенящих осколков стекла, и вот теперь пол под ногами вздрогнул по-настоящему сильно. На сей раз это заметили все. Самый пьяный из четырех пастухов-разбойников Круста не удержал равновесие и упал на спину.

Со двора донесся чей-то истошный вопль. Совершенно нечленораздельный. И вслед за ним другой, более вразумительный.

«Убивают! – голосила женщина. – На помощь!» И – спустя несколько мгновений: «Цармада, ты?!»

Глава 4

Лекарь Афах

*Багряный Порт, 56 год Эры Двух Календарей
Двенадцатый день месяца Белхаоль*

1

Бурая змея Ан-Эгера между по-весеннему свежими, изумрудными полями ячменя.

Теплое сапфирово-синее море Савват – и бурая клякса размерами в добрых четыре лиги, пятнающая его священные волны вокруг Багряного Порта.

Здесь живородные, жирные илом воды Ан-Эгера встречаются с морем. Здесь с морем встречается великая степь Асхар-Бергенна.

Сто лет назад Эгин Мирный, величайший воитель Тернауна, разбил среди невысоких холмов на правом берегу Ан-Эгера грютские орды и протянул руку к желанному морю. И в дельте Ан-Эгера вырос Багряный Порт.

Порт был назван так потому, что в ту жестокую неделю после избиения грютов, когда безмолвствовали сытые волки и вороны в степи, воды Ан-Эгера были багровы от вражьей крови. Всю неделю. А когда-то, во времена могущества Ас-

хар-Бергенны, струи Ан-Эгера, говорят, всегда были красными, как кровь.

Ихша никогда не верил этому, ибо не был поэтом.

Река не может течь кровью год, считал Ихша. Не может даже и неделю, как о том написали придворные историки.

Призраки погибших грютов не могут переговариваться, стоя на вершинах Пяти Медных Курганов, как о том брехал обласканный им лекаришко, безумный пастырь пиявок, заклинатель улиток. А Великое княжество Варан не может вечно видеть мирные сны под несокрушимым Сводом Равновесия.

Ихша был реалистом, ибо к тому склоняли его титул, должность, деньги и страх. Страх потерять деньги, должность и титул.

Уже два года Ихша занимался Вараном, Сводом Равновесия и новым гнорром лично.

Два года Ихша выслушивал все новые небылицы. Два года перебирал скудные трофеи, собранные его людьми по всей Сармонтазаре. Все сплошь мусор. Все.

Сегодня с утра Ихша подавился фиником и был теперь зол, словно степная гадюка под конским копытом.

Круглый стол по правую руку от Ихши был уставлен яствами в количестве достаточном, чтобы накормить четырех воинов. Были там и ненавистные Ихше финики. И еще – разбавленное вино. Ихша прихлебывал его из большой низкой чаши, но оно не приносило ему ни наслаждения, ни покоя.

Так – скисшая кровь местной лозы.

И даже прохлада, словно бы стекающая ручьями с опал в руках четырех звероподобных телохранителей, не могла остудить недобрый горячечный пыл, который охватил Ихшу с первых же слов своего советника.

Но пока что Ихша молчал, предоставив тому медлительно повествовать о результатах своего годового пребывания в Пиннарине.

– ...таким образом, все эти замыслы не увенчались успехом, поскольку были пресечены Сводом Равновесия еще на стадии первичного воплощения.

И тогда Ихша не выдержал. Он недобро прищурился и негромко осведомился:

– Как думаешь, Адорна-генан, сколько раз я входил к женщине?

Советник от неожиданности стал белым как полотно. Потом – красным, словно сердцевина арбуза. И наконец, заикаясь, пробормotal:

– Полагаю... полагаю, ты, Желтый Дракон... – и, отыскав наконец выход, закончил: – ...делал это столько раз, сколько желал ты, сколько желала твоя женщина и еще за каждую ночь трижды!

Ихша усмехнулся.

– Пусть так. А сколько у меня получилось детей, по-твоему?

Советник Адорн вновь смешался.

– Это мне не ведомо, Желтый Дракон. Полагаю, много...

– Восемнадцать, Адорна-генан, восемнадцать. И каждый – плод моих ночных стараний, увенчавшихся успехом. Но восемнадцать – это не тысяча восемьсот и не восемьдесят тысяч. Так вот, Адорна-генан, я был с женщинами много чаще, чем сотворил детей. Но разве интересно все это моему девятнадцатому ребенку, которого нет? Ему, нерожденному, нет дела ни до моих любовных подвигов, ни до моих преуспеваний в деле умножения потомства. И разве интересно мне, Адорна-генан, что ты делал год в Варане, если ты не сделал ничего?

– Люди Свода Равновесия коварны и сильны. Мы ничего не могли предпринять во вражьей столице сверх того, что сделали! Клянусь Стенами Магдорна! – Адорн истово припал на одно колено и поцеловал каменный пол веранды, на которой происходила беседа.

– Я верю тебе. Подымись, – обманчиво-ласково сказал Ихша, махнув рукой. – Ты, наверное, голоден с дороги. Съешь финик.

– Благодарю тебя, Желтый Дракон.

Адорн подошел к столу, взял финик, вяло пожевал его и деликатно сплюнул косточку на серебряный поднос.

– Постой, постой, Адорна-генан! – Брови Ихши удивленно взметнулись. – Ты же не постиг самой сути плода! Ты поглотил лишь оболочку. А твердую суть?

Адорн несмело взглянул в лицо своему повелителю и по-

нял, что отказываться нельзя.

Он взял косточку и, вздохнув, с трудом проглотил ее. Почти сразу его начал душить кашель, но страх одержал верх над болью, и покрасневший Адорн, пересилив себя, просипел:

– Благодарю тебя, Желтый Дракон.

– Мне не нужна благодарность. Мне нужна истина, – и только теперь, первый раз за весь разговор с Адорном, в голосе Ихши зазвучало его жестокое прошлое.

...Борцовские арены Тернауна, где никогда не дерутся за деньги – только за жизнь.

Императорская гвардия, «красногребенчатые», мрачная сутолока кровавых дворцовых интриг.

Он, Ихша, был в гвардии рядовым меченосцем. Потом – десятником. После – командовал сдвоенной сотней и имел должность Блюстителя Дворцового Въезда.

Именно его исполинская туша выросла в сонный предрасветный час перед отчаянными придворными кавалеристами, чьи офицеры решили «прочистить дворцовые клоаки от лишнего дерьма». Под последним они разумели правящую династию Оретов.

Ихша во главе своих «красногребенчатых» встретил их на Дворцовом Въезде, под сенью раскидистых платанов. И никто не вышел из-под деревьев живым. Никто – ни кавалеристы, ни «красногребенчатые».

Днем, когда обстоятельные труповозы вчетвером грузили

тело Ихши на телегу, багрово-черное месиво, сплошь скрывавшее лицо сотника, дало трещину. И победитель, едва ворочая одеревеневшим языком, властно потребовал: «На колени, в прах перед Пламени Равным!»

«Пламени Равный» – так в империи именовался командир «красногребенчатых». По своей власти – одно из десяти влиятельнейших лиц государства.

Доспехи Ихши вместе с отличительными знаками сотника были иссечены до неузнаваемости, а труповозами были угрюмые обнищавшие рыбаки.

Недобро пересмеиваясь, они стали добивать героя. Дескать, ты лучше все-таки отдыхай, солдатик, свое ты уже отвоевал, да и в рассудке повредился не на шутку. Но Ихша, исполин семи локтей росту, задавил всех четверых голыми руками.

Ихша не повредился тогда в рассудке.

Он действительно стал Пламени Равным и лично выгрыз из своего предшественника признание в главенстве над разговором кавалеристов. Ихша пробыл начальником «красногребенчатых» два года, а после получил от императора дружеский совет – принять Хилларн, Северо-Восточную провинцию государства, и вместе с ней – жезл Желтого Дракона.

– Ешь еще, – благосклонно кивнул Ихша Адорну. Дрожащей рукой тот потянулся за следующим фиником.

Если бы Вечность могла стать именно такой, Ихша назвал бы ее прекрасной.

Адорна больше не держали ноги. Он два часа ел финики и глотал проклятые косточки под размеренные разглагольствования Ихши.

Наконец Адорн в полном изнеможении упал на колени, придерживаясь рукой за край стола.

Телохранитель во второй раз унес опорожненное блюдо и вернулся со свежим, наполненным до краев проклятыми финиками.

– Видишь ли, Адорна-генан, человек, который не знает цены собственной жизни, не знает ничего. Ни истины, ни славы, ни любви. Иначе тоже верно. Человек, не знающий цены любви, не знает цены истине. Сегодня утром финик застрял в моем горле, и я едва не подавился им насмерть. Финик хотел убить меня, твоего господина, Адорна-генан. А финики – хитрые бестии. Если уж они возьмутся за кого-то – никогда от своего не отступятся. Смерть обошла меня стороной, Адорна-генан, но мне нужно платить ей отступные. Чужой жизнью. Ты ведь любишь своего господина, Желтого Дракона?

– Да, – выдохнул Адорн и упал, переломленный напололам приступом лающего кашля. У советника пошла горлом

кровь, и алое пятно расплзлось вокруг его головы по ослепительно белым плитам дворцовой террасы.

– Ты поступаешь плохо, не надо пачкать здесь, – протянул Ихша. Он собирался уже приказать своим телохранителям уволочь советника в каменный мешок, когда за его спиной раздались шаги. Бросив косой взгляд на корчи Адорна, перед Ихшей появился Секретарь Жезла.

– К тебе пришел лекарь Афах, Желтый Дракон.

– Чего ему? – Настроение у Ихши постепенно улучшалось и он был не против перекинуться парой-тройкой слов с безумным пастырем пиявок. В противном случае он приказал бы вытолкать его вшаей и гнать пинками до самого Ан-Эгера.

– Говорит, что принес тебе нечто доброе.

– Ладно. Введи бесноватого.

3

– Продлись, как Хрустальный Век Магдорна, – приветствовал Афах Ихшу. Голос лекаря был мутен, словно старческая слеза. Лишь в глубине глаз лекаря Ихша приметил искорки торжества.

– Продлись и ты, – кивнул Ихша.

Лекарь был немолод. Долгие ночные бдения, постоянная близость к заговоренным камням и ядам, болотные испарения земли ноторов – все это не шло на пользу коже и кро-

ви, плоти и двум цветам желчи Афаха. А главное – возня с древними рукописями.

Среди пергаментов попадались очень злые – отравленные, испивающие жизнь по капле, вспархивающие огненными бабочками прямо в лицо своему незадачливому читателю. И все как один – исподволь туманящие рассудок, подобно дым-глине Синего Алустрала.

По мнению Ихши, лекарю было суждено «продлиться» не дольше, чем на ближайшие три-четыре года. Свое приветствие он счел отменной шуткой. И хохотнул.

Лекарь вежливо улыбнулся и сел прямо на плиты веранды, скрестив ноги. Афах мерз даже во дни знойного лета на берегах Ан-Эгера. Он всегда прятал свое тело под шерстяной накидкой. И сейчас, когда Афах сел, он был похож на маленький шерстяной курган. Даже не курган – а так, кротовину. Кротовину под стопами Ихши, Желтого Дракона, Человека-Горы.

Согласно этикету, вошедшему полагалось помолчать некоторое время, чтобы проникнуться величием наместника.

– Где ты был на этот раз? – насмешливо спросил Ихша, нарушая молчание. – Снова искал семена Огненной Травы? Копался в болотах вокруг Хоц-Але?

– Нет, Желтый Дракон. Слишком велика немочь моего тела, чтобы блуждать по Империи. Для этого у меня есть сын.

– Вот как? – равнодушно ввернул Ихша, смутно припо-

миная безмолвного бледного подростка по имени Руам, который некогда приходил вместе с Афахом и выполнял при лекаре работу мальчика на побегушках. Таскал за ним корзину со снадобьями, кипятил воду, возился со ступками для измельчения порошков. Потом мальчишка исчез. Исчез – ну и ладно. Ихше не было до него никакого дела.

– Да, именно так. Я никогда не хотел, чтобы Руам повторил мою судьбу. Но мне нужен был помощник, и я выучил сына всему, что знал и умел сам. Руаму как раз исполнилось семнадцать лет, когда ты, Желтый Дракон, заложил на Глухих Верфях первую «черепаху».

Ихша насторожился.

«Черепахи» были его излюбленным детищем и теперь их мог видеть каждый в военном порту.

Но в свое время первые «черепахи» строились под покровом строжайшей тайны, в огромном крытом арсенале – недаром ведь верфи именовались Глухими.

– Тогда я подумал: Желтый Дракон – самый мудрый и деятельный из всех наместников, которых помнит Хилларн. Желтый Дракон – рачительный хозяин, выжимающий из провинции все соки во имя здравствующей династии. Сейчас император доволен Желтым Драконом. Но Асхар-Бергенна не беспредельна, не бездонны рудники Гэраяна. И нельзя с восьми мер ячменя отдать в казну девять. Поэтому мудрость Желтого Дракона простирается дальше, в земли иноземцев. Но война с Севером – чересчур дорогое и риско-

ванное предприятие, чтобы взор Желтого Дракона простирался за Орис. И если бы Желтый Дракон хотел войны с северянами, он строил бы не корабли, а разборные осадные башни и «дома лучников». Значит, Желтый Дракон хочет воевать на море Савват. С Аютом воевать нельзя, ибо «молнии» Гиэннеры в состоянии отразить любого врага. И с Вараном воевать тоже нельзя, ибо Свод Равновесия сейчас силен, как никогда. С кем же хочет воевать Желтый Дракон?

Ихша напрягся. За правильный ответ на этот вопрос любой из его подданных мог быть отправлен на шестиступенчатую казнь. А мог стать Правым Крылом Желтого Дракона.

– Действительно, – щелкнул пальцами Ихша. – С кем?

– Желтый Дракон собрался совершить невозможное. Желтый Дракон хочет раздавить Варан. Раздавить раз и навсегда. А для этого Желтому Дракону нужно уничтожить верхушку Свода Равновесия. И в первую очередь – молодого гнорра, – отчеканил Афах. – И если только Желтый Дракон будет благосклонен к своему покорному слуге, ему удастся совершить невозможное.

– Выпей вина. И налей мне тоже, – хрипло сказал Ихша. Слова лекаря просвистели для его ушей огненным бичом.

Желтый Дракон любил такие речи. Особенно если за ними стоял трезвый расчет, а не пустое бахвальство безумца.

– Поэтому мой сын Руам, – продолжал Афах, вежливо пригубив вина и отставив чашу, – исполняя мою волю, два года назад отправился в Варан. Семя славы должно произ-

расти на почве грядущей войны. Но прежде эту почву следует приуготовить. Так сказал я на прощание Руаму, напутствовав его искать слабость Варана. Прошло два года, и мой сын возвратился не с пустыми руками. Среди прочих владений варанского князя есть одно, казалось бы, ничем не примечательное. В нем мой сын разыскал то, что даст нам силу, а Варану – сокрушение. Имя этой земле – Медовый Берег.

Глава 5

Еще шестьдесят коротких колоколов

Ночь со Второго на Третий день месяца Алидам

1

Кедровая Усадьба называлась так потому, что на ее постройку некогда ушла огромная роща вековых кедров.

Выстроенная на расчищенном от валунов щебенистом холме близ предгорий Большого Суингона, она представляла собой и жилой дом, и крепостцу, и родовое гнездо рода Гутуланов.

Эгин знал, что аристократы Синего Алустрала строят себе такие же жилища. Но только каменные, огромные, вознесенные над морем на неприступных утесах. Так делают в Синем Алустрале, ибо там все боятся всех, а император, сидящий за тысячу лиг от тебя в столице, расположенной на совсем другом острове, не в состоянии нагнать страху на твоего алчного соседа. Но в Варане есть Свод Равновесия, который защищает всех и каждого от всякого и каждого. Поэтому даже очень благородным и богатым настоящие укрепленные замки строить незачем. А в провинциальном захолустье, может, и хотели бы, да чересчур бедны.

Кедровая Усадьба представляла собой неправильный пятиугольник бревенчатых стен, обсыпанных земляными откосами по внешнему обводу, две сторожевые башни и собственно добротный жилой дом со своей собственной башней, на вершине которой должен был бы сейчас находиться тайный советник Йен окс Тамма, созерцая небеса в дальнюю трубу.

Увы, вместо этого Эгин стоял у окна гостевого зала и, не торопясь прятать «облачный» клинок в ножны, всматривался в подсвеченную факелами темноту на дворе.

А там, подтверждая его самые худшие опасения, творилось что-то жуткое.

Эгин неплохо видел и, главное, после Второго Посвящения неплохо чувствовал то, что следует видеть и чувствовать арруму Свода.

То, что видел и чувствовал Эгин, было смертью, ужасом и еще чем-то, что он сейчас был не в состоянии назвать.

Одной из двух сторожевых башен Кедровой Усадьбы больше не было. На ее месте зиял непроглядной чернотой пролом.

Надо полагать, вспышка и грохот, от которого несколько мгновений назад высадило стекла, были произведены «гремучим камнем» или аютской даггой. Но здесь, в захолустье, от любого из этих предположений холодела спина. Не может быть, чтобы здесь кто-то мог располагать тайнами эверонотов или секретами аютской Гиэннеры. Однако сокрушить в

одно мгновение боковую башню, сложенную из пятиладонных кедровых бревен, – дело нешуточное. «Когда видишь то, чего не может быть, глаза превыше разума».

Через пролом в стене во внутренний двор Кедровой Усадьбы проникли несущие смерть. Кто они? Это оставалось для Эгина полнейшей загадкой. Но то, что они несут смерть, было слышно по истошным воплям в полумраке – заспанная дворовая челядь и вооруженные пастухи Круста погибали от чьей-то беспощадной и сильной руки.

Факелы, которые держали в руках неизвестные люди, одетые на манер здешней голытьбы и вооруженные по преимуществу топорами, не давали света той части двора, где у основания господского дома ютились флигеля прислуги.

А самое важное сейчас происходило именно во флигелях, потому что именно туда смерть пришла первой. Эгин и слышал, и чувствовал это.

Люди с факелами (а их было около двадцати – довольно много по здешним меркам) не торопились приближаться.

Они ждали, пока загадочный кто-то (или что-то) выполнит всю черную работу за них. На горцев эти люди похожи не были. На горожан – тоже.

«Итого два варианта: либо Круст что-то не поделил со своими людьми и теперь они пришли мстить жадному господину, либо Круст снова что-то не поделил со своим соседом Багидом, хозяином Серого Холма. И теперь люди Багида пришли пустить красного тритона по всему крустову по-

мestью», – заключил Эгин.

За спиной Эгина Круст срывающимся голосом отдавал приказания своим телохранителям. Никак не унималась раненная Эгином супруга управляющего. В гостинном зале по-прежнему царил хаос – уменьшенное зеркальное отражение той леденящей кровь невнятицы, которая творилась сейчас в темноте двора.

Все происходило очень быстро. Эгин почему-то подумал, что на губах Лормы еще, должно быть, жив его, Эгина, солоноватый вкус.

За порядок и спокойствие в уезде Медовый Берег в первую очередь отвечал он, тайный советник Йен окс Тамма и аррум Опоры Вещей.

Все, что успело уложиться в последние две минуты, превосходило пределы мыслимого. Для него, Эгина, начиналась тяжелая работа.

«Ну что же – пора работать. И ломать из себя гражданско-го тайного советника теперь уже совершенно бессмысленно...»

– Именем Князя и Истины! – заревел Эгин. – Немедленно прекратить! Это говорю я – Эгин, аррум Опоры Вещей!!!

В подтверждение своего ора Эгин достал Внешнюю Секиру и выставил в окно.

Сорок Отметин Огня на его жетоне блеснули в сумраке крошечными, но очень яркими голубыми искорками.

К собственному немалому удивлению, он был услышан.

Четыре стрелы выпорхнули из темноты. Выпорхнули совершенно неожиданно – Эгин не мог и помыслить, что кто-то здесь осмелится стрелять в аррума. Он не сумеет отвести их.

Одна стрела звякнула о жетон и отскочила прочь.

Другая, о Шилол, надорвала ему правое ухо и скользнула дальше, за спину.

Третья и четвертая попали бы ему прямо в сердце, не встречайся они с заговоренной сталью очень тонкого и подогнанного точно по его мерке легкого нагрудника. Такие носят только аррумы и пар-арценцы. Такие простой стрелой не возьмешь. Лучшие доспехи есть лишь у гнорра.

Эгин мгновенно присел, оглянулся за спину, увидел, что пастухи, обнажая свои кургузые мечи, опростометью покидают зал. Круст Гутулан осел на пол со стрелой под затылком. («Она ведь предназначалась для меня», – с отстраненным хладнокровием насмерть перепуганного человека подумал Эгин.) А Лорма с расширенными от ужаса глазами смотрит на него и не понимает, не понимает, не понимает ровным счетом ничего!

Супруга управляющего сплюнула на затихшего Сорго, который неподвижно валялся на столе, словно отыгравшая механическая кукла, перехватила свой нож в левую руку и пошла прочь из зала вслед за пастухами.

И только сам управляющий не ушел. Он присел на колени у головы упавшего Круста, наклонился и что-то зашептал

тому в ухо. Заклинания? Проклятия? Эгину было все равно.

Все. Разговоры закончены. После четырех стрел, выпущенных в него из темноты, аррум Свода Равновесия имеет право испепелить весь Медовый Берег. Если сможет, конечно. По этому вопросу Эгина начали одолевать серьезные сомнения.

Эгин поцеловал свой клинок прямо в ползущее по нему иссиня-черное облако («Ого! Такого раньше не случилось».) и выпрыгнул в окно. Там было совсем невысоко – локтей пятнадцать – да и внизу его ожидала не земля, а мягкая, крытая соломой крыша хозяйственного флигеля.

2

Эгин ожидал, что его ноги соприкоснутся с крышей флигеля через три четверти удара сердца.

Этого, однако, не произошло, ибо в тот момент, когда его подошвы были в каких-то считанных пальцах от соломы, флигель неожиданно ухнул вниз, словно тонущий корабль – в пучины морские. Поэтому лететь пришлось целых два удара сердца, и Эгин успел испугаться. «Это что же такое, милостивые гиазиры, – то у них башни взрываются, то дома под землю проваливаются!»

Но потом пугаться стало некогда.

С легкостью пробив плотные вязанки соломы, сломав жерди перекрытий, Эгин упал на что-то сравнительно мяг-

кое. Когда его тело, следуя инерции падения, опустилось на корточки, а левая рука для подстраховки уперлась в это самое «мягкое» и, как оказалось, липкое, Эгин понял, что стоит на окровавленном человеческом теле. Он замер, выставив перед собой меч.

Сверху, через пробитую крышу, доносились крики. Преимущественно ругань крестовых пастухов. Одного, кажется, задела стрелой. Другой торжествующе вопил – наверное, сам задел кого-то своим метательным ножом.

Здесь, внизу, было темно и тихо. Только с угрожающим шорохом в противоположном углу осыпалась земля. Эгин шевельнул ноздрями.

Да, чуть сырая глинистая земля, кровь, кислятина – ужинали здесь чем-то не очень вкусным – и едва уловимый запах паленого. Что палили? Неизвестно. И – совершенно незнакомый тошнотворный запах, исходящий, кажется, от пола. И – никакого живого запаха. Сплошь мертвечина. Отличный домик.

Рассиживать внутри флигеля, выставив меч и приносясь к темноте, Эгин не собирался. До потолка было недалеко. Он осторожно поднялся в полный рост. Если вытянуть вверх руку, то ее ладонь выйдет на поверхность. Итак, если вернуть меч ножнам, вновь присесть, подобраться, вспомнить несложные слова Легкости, а потом старательно подпрыгнуть...

Опираясь на распрямленные руки, Эгин отжался на них

над крышей, высовываясь из дыры по пояс. Еще одно усилие, и его ноги покинут дыру...

Безликая, но смертельная опасность стремительно высвободилась из-под земляной осыпи и вцепилась в ногу аррума своими хищными ледяными пальцами. Одновременно с этим безжалостные зубы впились ему в правое бедро.

Паникующий Эгин что было сил отпустил в темноту пинка и, к своему удовольствию, скоро обнаружил, что попал в податливую плоть. Ответом ему послужил гневный рык. Чьи-то зубы плотно сжались на его ноге.

Оставалось одно – до времени не противиться. Эгин поддался мерзавцу, который стремился втянуть его обратно вниз. Спустя мгновение он уже кубарем летел в темноту, одновременно подтягивая свободную ногу повыше, а левой рукой нащупывая рукоять засапожного кинжала.

3

«Любая безмозглая тварь на месте невидимого кровожадного дядьки поступила бы так же», – удовлетворенно подумал Эгин, распрямляясь.

Удача была на его стороне. Кинжал, всаженный по самую рукоять в смердящую паленным плоть врага, торжествовал победу своего хозяина над незадачливым людоедом.

Когда неведомый враг сдернул его вниз, он, как и рассчитывал Эгин, насел на него сверху (и показался арруму тяже-

лым, как земля-мать). Но вот уж на что никак Эгин не рассчитывал – так это на нечеловеческой, неистовой силы удар, который молниеносно обрушился на его грудь. Сегодняшней ночью и стрелы, и клинки явно жаждали добраться до самого его сердца. Но нагрудник спас его и на этот раз. А вслед за тем кинжал решил краткий поединок в пользу Эгина.

«Так, хорошо. Счет открыт убиением кого-то, кого разглядывать будем поутру вместе с Есмаром и Логой. А пока что надо наводить порядок в Кедровой Усадьбе», – решил Эгин, на ощупь находя кинжал и вырывая его из цепких объятий чужой плоти. Судя по всему, убитый был все-таки человеком. Одноруким, что ли?

Эгин пошарил в темноте еще. И, к своему ужасу, обнаружил, что вместо левой руки убитое им существо имеет многосуставчатую конечность, закованную в роговой панцирь. Кажется, именно этим оно собиралось пробить его грудь.

«Очень хорошо...» – озадаченно подумал Эгин. А еще лучше было то, что ни во время нападения, ни до него он, аррум Опоры Вещей, не почувствовал присутствия рядом с собой живого существа! Либо он из рук вон плохой аррум, либо тварь не жила. Может ли двигаться неживое существо? Вопрос философский, прямо из анналов героической эпохи.

«М-да, нескучно у них здесь, на Медовом Берегу», – думал Эгин, выкарабкиваясь наконец на поверхность.

Он не увидел и не почувствовал, как под его ногами слабо шевельнулось убитое тело. Жизнь ушла из него слишком

давно, чтобы бояться какого-то кинжала. Убитому телу нужно было полежать еще некоторое время, спустя которое оно было готово продолжить свою устрашающую миссию.

4

Дела обстояли неважно. И это Эгин понял сразу же, когда трое мужиков с факелами, от которых его отделяло шагов пять-шесть, не больше, с радостным воплем «А вот и он!» двинулись к арруму, ухмыляясь криво и немного виновато. Дескать, извини, милостивый гиазир, но сейчас мы тебя будем рубить на грудинку и вырезку.

«Облачный» клинок – не чета топорам.

Аррум – не чета мужичью.

Эгин убил всех троих очень быстро. Последнего он зарубил, когда тот собрался бежать прочь от неистового советника, отбросив оружие в сторону.

«Золотишка захотелось наварить из Внутренней Секиры? Вот вам ваше золото!» – процедил Эгин, убедившись в том, что его противник мертв.

Без труда расправившись с озверевшими мужиками, Эгин огляделся и понял, что Кедровая Усадьба обречена. И он, аррум Опоры Вещей, обречен вместе с ней.

Потому что на пороге хозяйского дома лежали четверо пастухов Круста. Все четверо были в крови. Семь тел вокруг них говорили о том, что бойня была короткой, беспощадной,

роковой.

Потому что супруга управляющего, хищно оскалившаяся, сидящая на корточках, тоже была мертва – в животе у нее торчала стрела, а левая рука болталась, перебитая топором в предплечье. В тот же миг женщина упала на бок.

И тогда Эгин впервые задал себе вопрос: а есть ли будущее у Медового Берега?

Стоило женщине упасть и выронить нож, как над ней навис темный силуэт. Человек? Прямоходячая собака наподобие животного-девять? Призрак? «Нет, последнее исключено», – решил Эгин. По призракам после Цинора он считал себя почти экспертом.

Мелькнула быстрой змеей тень стремительно выброшенной вперед конечности. Отвратительно хрустнули ребра, и тварь, хрипло рыкнув, впилась зубами в нечто, зажатое костяными сочленениями левой, многосуставчатой руки.

Тварь жрала человеческое сердце.

Кедровая Усадьба была обречена, ибо в узких оконцах, которые были пробиты вдоль лестницы, ведущей на второй этаж, плясали сполохи пламени.

Это означало, что пламя уже овладело единственным выходом из дома. И что скоро огонь, пробившись по винтовой лестнице, завладеет и смотровой башней, на вершине которой наверняка будет искать спасения наивная Лорма.

А Эгин, аррум Опоры Вещей, был обречен потому, что, отделившись от полукаре флигелей на противоположной

стороне подворья, чуть раскачиваясь и неуверенно, словно слепцы, ступая к нему, приближались собратья того существа, которое только что насытилось сердцем женщины со шрамом.

Существ было не меньше десятка.

5

Соломенная крыша – не лучшая опора для воина.

Эгин сделал несколько шагов назад, и его спина уперлась в бревенчатый сруб стены. Вот и все.

Под ногами – земля, за спиной – стена. Невысокая, но все равно на такую никакие слова Легкости не забросят. Справа – стена господского дома, в котором все больше пламени и все меньше живых.

«Да, Лорма, ты была права. Нужно было оставаться на башне до самого утра. Тогда, глядишь, все сложилось бы по-другому...» – вздохнул Эгин.

Твари были сейчас напротив входа в дом, уже совсем недалеко. Как вдруг из окна, соседнего по отношению к тому, из которого Эгин недавно осматривал зачин бойни в полной уверенности, что все здесь находится под его контролем, из этого самого окна вывалилось грузное тело и упало под ноги приближающимся тварям. Это была жена Круста Гутулана, мать Лормы, барыня Хена.

«Наверное, так до самой гибели толком и не протрезве-

ла», — подумалось Эгину.

Гибели? Ну нет! Громогласно икнув, барыня поднялась на ноги. Похоже, падение с пятнадцатилоктевой высоты пошло ей только на пользу. Самый близкий к ней пожиратель сердец занес свою суставчатую конечность для рокового удара.

Но вещный мир изменчив, как вода. То, что кажется постоянным, — тонет в небытии, то, что кажется твердым, — расплывается в кашу.

Такого сильного толчка прежде не случалось.

Казалось, мир решил расколоться надвое и великой трещине суждено было пройти через двор Кедровой Усадьбы.

Эгина швырнуло к стене, он сильно ударился затылком. Но это не помешало ему увидеть, что костяная змея нечестивого гостя, вместо того чтобы сокрушить ребра барыни Хены и изъять ее горячее сердце, вонзилась во вздыбившуюся землю. А сама супруга Круста, окончательно протрезвев и заголосив за десятерых, вознеслась вместе со вспучивающейся землей вверх.

Почти одновременно с этим в земле возник огромный провал, сожравший флигель.

Теперь почти вся земля двора изволила вспучиться. И высокий вал пролег от дверей дома прямо под ноги мужикам, сгрудившимся у сокрушенной «гремучим камнем» башни.

Те, и так сильно напуганные отчаянным сопротивлением пастухов Круста, появлением какого-то сумасшедшего аррума, резво порешившего трех их братьев по оружию, а равно

и падением пьяной бабы, которой все было нипочем, бросились бежать. И, как вскоре понял Эгин, – более чем вовремя.

Потому что боковые скаты новоявленного земляного вала стали быстро осыпаться, обнажая мерцающую фиолетовыми пятнами кожу. Кожу? Да, кожу. Ибо это было не землетрясение. Это было существо.

«О Шилол, кто он?! Друг? Враг? Да и живой ли вообще?»

Эгин полоснул по твари Взором Аррума. Да, у твари был слабый, но все-таки животный, живой, теплый След. «Это уже легче. По крайней мере он не родич этим, сердцедам».

В отвсетах от горящего дома Эгину было непросто разглядеть явившегося из-под земли. Но зато явившийся, судя по всему, видел в темноте лучше кошки. И притом видел едва ли не прямо всей поверхностью своего тела!

Эгин не знал, что по ту сторону от выползка пожиратели сердец сдуру набросились на беззащитный и нежный бок твари со своими костяными когтями и тем разозлили ее сверх всякой меры.

Он видел лишь, что передняя часть слизнеобразного тела, взмахнув плохо различимыми, но, кажется, короткими передними лапками («Хороши лапки – каждая с оглоблю!» – фыркнул Эгин, отвечая собственным мыслям.), изогнулось и рванулось вправо назад, одновременно с этим высвобождая из-под земли последние сажени своего тела.

Супруга Круста, пережив недолгое вознесение на семь локтей, вновь упала вниз. Голосить она перестала – видать,

сорвала голос.

Зато, встав на четвереньки, оглядевшись по сторонам и разглядев-таки под стеной Эгина, она быстро-быстро засеменила к тайному советнику. Но барыне Хене сегодня не везло. Не заметив дырки в крыше флигеля, стоявшего вровень с землей, она провалилась вниз.

Эгин нервно хихикнул. Что за ночь!

По ту сторону выползка разнесся отчаянный вой. Кажется, подземная тварь взялась за нежить вплотную. Из этого Эгин с облегченным вздохом сделал вывод, что выползок — друг. Поспешный и необдуманный вывод.

6

Возможно, Эгин счел бы своим долгом перепрыгнуть через тело выползка и помочь тому в истреблении нежити.

Возможно, постарался бы допрыгнуть с его спины до окон дома и разыскать там Лорму.

Возможно, полез бы в провалившийся флигель вытаскивать ее мамашу. Но все случилось иначе.

— Человек, сделай семь... нет, твоих меньше... шесть шагов влево.

Эгин вздрогнул.

Голос был тихим, внятным, властным.

Таким же точно, но более крепким и молодым, обладал Лагха Коалара, гнорр Свода Равновесия.

Говоривший свободно владел варанским языком, но в его речи напрочь отсутствовала певучесть, которой с давних давен гордятся варанские пииты и риторы. Казалось, говорит не человек, а музыкальная шкатулка.

Голос прозвучал сверху из-за спины. Следовательно, говоривший находился на гребне стены Кедровой Усадьбы.

– Какого Шилола?! – резко выкрикнул Эгин, выворачивая шею и тщетно силясь разглядеть наверху хоть что-то, кроме пронзительных южных звезд.

– У тебя еще есть восемь ударов сердца. Отойди в сторону, как я сказал, или умрешь.

– Ты кто?! – грозно спросил Эгин, косясь влево, куда ему советовал отойти незнакомец.

– Твоя лучшая женщина, – хохотнул его невидимый собеседник. – Пять ударов сердца, человек.

Эгин не любил разговаривать с пустотой. Но любопытство всегда брало в нем верх.

– А что будет через пять ударов?

– Осталось три.

«Так, определенно это новый персонаж в драме „Медовый Берег, охомуטанный тьмою“. Я его раньше не видел и не слышал, – пронеслось в мыслях Эгина. – Возможно, он и есть здесь главный кукловод?»

– Ты-то понимаешь, что здесь происходит?

– Да, но уже один.

«А-а-а, змеиная кровь», – выругался Эгин и прыгнул.

Там, куда советовал ему отойти незнакомец, не было ничего опасного. По крайней мере ничего опасного с точки зрения аррума.

«В конце концов, лучше выглядеть придурком-попрыгуном, чем покойником», – решил осмотнительный Эгин.

Он успел. Потому что второй выползок в этот момент как раз вырвался на поверхность в подмогу первому и пустоты под Кедровой Усадьбой поприбавилось.

Поприбавилось ровно настолько, чтобы господский дом с оглушительным треском пополз вниз, под землю, в пустоту.

Он накренился, словно тонущий корабль, и прекрасная перевязь бревен, гордость рода Гутуланов, не выдержала. Смотровая площадка башни сорвалась со своих крепежных скоб и, встав вертикально, устремилась вниз, к земле, разваливаясь от ударов о стены башни и крышу дома.

Восемь, девять, десять, двенадцать мертвящих деревянных перстов вонзились в землю, расшвыривая комья суглинка, калеча хрупкие флигеля и обдирая слизистую кожу выползка.

Одно из бревен вошло в землю в аккурат там, где мгновение назад стоял Эгин. А второе упало поперек, в двух ладонях перед кончиком заледеневшего от ужаса носа Эгина.

Кедровая Усадьба успела уже основательно прогореть изнутри и теперь, проваливаясь в неожиданно отверзающуюся под ней бездну, разваливалась на глазах.

Но самым главным было то, что недостижимые прежде ок-

на гостевого зала теперь находились всего лишь в трех четвертях человеческого роста от земли. «Лорма!» – мелькнуло в мозгу Эгина.

Коря себя за опрометчивость, Эгин все же бросился к окнам, попутно успевая отметить появление на поверхности второго выползка, а равно и отвратительные хрустящие, чавкающие, всасывающие звуки боя между нежитью и сомнительнейшей «житью» на противоположной стороне двора.

7

Да, странные дела творятся под Солнцем Предвечным.

Эгин покинул гостевой зал в полной уверенности, что вернется в него с победой, разогнав чернь и водворив повсеместную справедливость.

Вместо этого он прыгнул в проклятый оконный проем как затравленный заяц.

Эгин перескакивал по расползающимся бревнам перекошенного пола, над головой трещали перекрытия. А ему оставалось лишь шипеть под нос сдавленные проклятия. Потому что разобрать в таком бардаке удавалось совсем немного. И хотя несколько ламп на стенах все еще давали свет, в изменившемся антураже проку от него почти не было.

Пребывая в уверенности, что прямо сейчас, незамедлительно, дом провалится в леденящую хуммерову бездну, Эгин бегло осмотрел гостевой зал полностью и убедился, что

в нем не осталось никого живого. Если не считать окровавленного и, к удивлению Эгина, все еще сипящего нечто совершенно нечленораздельное Круста Гутулана.

В его пробитом горле едва слышно klokотала кровь. «Живучий, однако», – не без цинизма отметил Эгин. Но сейчас ему было не до жалости.

– Ты меня слышишь?! – гаркнул Эгин без всяких церемоний прямо в ухо Крусту.

Он не ожидал ответа. И все-таки получил его. Круст перестал сипеть. Ореховые яблоки его глаз скосились в сторону аррума. Губы Круста разошлись.

– Багидовы твари... теперь ясно, что у них на кладбище ни одной свежей могилы... не нужны им могилы... – с усилием сказал Круст и закрыл глаза.

«Содержательные разговоры у них здесь на Медовом Берегу», – подумал Эгин и поднялся в полный рост.

Он едва успел сообразить, что на столе, съехавшем по наклонившемуся полу до стены, не хватает Сорго, которому приличествовало бы до сих пор находиться в полном бесчувствии после умиротворяющего удара его меча, как снова из-под земли раздался протяжный хряскающий звук и история повторилась.

Дом просел еще глубже.

Эгину досталось по голове стремительно налетевшим сверху потолком.

Повстречавшись наконец с убегающим полом, Эгин рыв-

ком обернулся к окну и с ужасом увидел, что никакого окна, собственно, не осталось.

Теперь окно стало дверью в подземный мир. И этот мир в виде фиолетовых пятен на коже выползка проплывал мимо. Только сейчас, находясь на расстоянии десяти локтей от твари, Эгин разглядел множество не то бугорков, не то отростков на глянцевитой лоснящейся коже – небольших, размером с навершие на рукояти меча, но удивительно подвижных, подрагивающих, живущих своей собственной загадочной жизнью.

Любой эрм-саванн Свода понимает, что если смертельная опасность собирается пройти мимо, оставив тебя без внимания, значит, не нужно ей в этом мешать – пусть идет мимо.

Понимал это и Эгин. Но уж слишком велик был искуc узнать, как этой твари (в дружелюбие которой верилось все меньше и меньше) понравится вкус стали. Уязвима ли она, например, для его «облачного» клинка?

Эгин занес меч над головой в «стойке скорпиона» и очень осторожно, подозревая за тварью чуткий слух, крадучись мелкими шажками, приблизился к оконному проему.

В облаках на клинке Эгина с треском мелькнула молния и меч требовательно вздрогнул. Такого он за своим оружием раньше не замечал. Но это тем более означало, что медлить нечего.

Быстрее аррума бьет только пар-арценц. Быстрее пар-арценца – только гнорр. Быстрее гнорра – только шардевка-

тран, что в переводе с наречия Аюта означает «порождающий девкатру».

Клинок Эгина был быстр. Но кожа шардеватрана оказалась быстрее!

Эгин пребывал вне Раздавленного Времени и не видел, как навстречу его клинку рванулись несколько недлинных, но чудовищно подвижных и хлестких жгутов, развившихся с быстротой молнии из кожных выростов твари.

Он не видел, как все вместе они свились в некое подобие боевого цепа и с немыслимой для человеческих представлений точностью самоубийственно повстречались с острием его меча.

Он не видел, как вместо этой шестерки отростков, рассеченных и мгновенно отпавших, из кожи шардеватрана выплеснулись еще шесть. И эти имели дело уже с мечом, сила удара которого была растрочена на борьбу с исключительно упругой тканью предыдущих отростков.

Меч Эгина швырнуло назад с такой силой, будто им выстрелили из лука.

Эгин, совершенно не готовый к такому обороту дел, не смог удержать его в руках. За спиной грохнула об пол рукоять меча и, как назло, почти сразу же вслед за этим в очередной раз с обвальным грохотом просели несколько потолочных балок.

Ранил он тварь или нет – Эгин так и не понял.

Определенно, в том месте, куда с точки зрения Эгина при-

шелся удар, наметились сразу несколько язв, образовавших правильный шестиугольник. На поверхности шестиугольника выступила густая желтая жидкость.

«Ну и что? Это все равно как после классического фехтовального выпада против человека довольствоваться тем, что смог выцарапать на его коже короткую непристойность. А самому после этого остаться без оружия», – с сожалением подумал Эгин.

И тут Эгин, который медленно пятился и тихим шепотом призывал свой меч отозваться ему из темноты, с неприятным ледком под сердцем обнаружил, что фиолетовые пятна на коже выползка больше не двигаются. Следовательно, тварь остановилась.

Слабый, но слышный сквозь любой грохот звон за спиной. «Ага, это меч. Отозвался, умница».

Пятна опять пришли в движение. Но двигались они теперь не слева направо. Отнюдь. Пятна позли обратно. Обратно...

Эгин был бы рад, очень рад не встречаться с тварью лицом к лицу. Не помня себя от страха, ибо все кругом наполнилось совершенно недвусмысленным треском, Эгин извлек меч из-под завала. Он уповал лишь на огромную длину твари да на ее медлительный нор.

Он успел. Когда в его расширенных от ужаса глазах отразился текущий лик шардеватрана, он, Эгин, уже стоял в дверном проеме зала. Шесть жвал-захватов твари были вы-

нуждены довольствоваться древесиной, не достав до него считанных локтей. Но глаза твари Эгину запомнились надолго...

«Нет, это не друг. Это существо вообще не может быть другом. Какая дружба между одуванчиком и звездой?»

8

На заваленной обломками лестнице было по-настоящему темно. Совершенно темно. Зато наверху – там, где немногим более получаса назад он любился с Лормой, Эгин видел Взором Аррума не то одного очень толстого человека, не то двух-трех тощих, сбившихся в кучу.

Эгин не знал, чего еще ему следует бояться в эту ночь и следует ли бояться вообще – ведь ясно же, что никто не выживет в Кедровой Усадьбе. А если выживет – так в этом его, Эгина, заслуг уже не будет. Что поделать, если он просто дитя неможное против местного неучтенного княжеской переписью народонаселения, а равно и против совершенно упущенных из виду Домом Недр и Угодий обитателей местных недр и угодий?

«Нет, милостивые гиацинты. Сто офицеров Свода сюда. Пятьсот „лососей“. Тысячу, нет, полторы тысячи гвардейцев. Животных-десять и одиннадцать сюда тоже. И все, что Лагха рассовал по хранилищам Свода. Да и самого Лагху с его дудками-свирелями – сюда. И вот когда от самых Суингонов до

Наирнского пролива здесь на сто саженей вглубь не останется ни одного дождевого червя, ни одного покойничка-шатуна, а над землей – наоборот, ни одного мужичка, ни одного гнилого сарая, вот тогда...»

Эгин остановился, успокаивая дыхание. Там, за дверью, трое. Теперь он чувствует это совершенно отчетливо. Сидят вплотную друг к другу.

– Это Йен окс Тамма.

Сказал он негромко, но так, что не услышать его было невозможно.

В ответ ему раздались рыдания Лормы.

Эгин распахнул дверь.

«...вот тогда я заберу отсюда Лорму и мы уедем на Цинор. Там по крайней мере сплошные скалы и никакая тварь землю на Циноре не прожрет».

9

Теперь их было четверо. В крошечной тьме.

Лорма, Сорго, сокольничий, которому Эгин не знал имени, и он сам, беспомощный аррум Опоры Вещей.

Изъяснялись шепотом.

– Что там творится? – сквозь тихие всхлипывания освятилась Лорма.

– На вас напали соседи...

(В том, что мужичье было багидово, а не местное, Эгин

теперь не сомневался.)

– ...смерды Багида Вакка. И существа, которые мне неведомы. Отсюда надо бежать, и притом как можно скорее.

– А мои родные?

«Ну и память!» – выругался Эгин.

Ему, конечно, было жаль родителей Лормы. Но еще больше он жалел ее и себя. Ибо у них еще была надежда на спасение, а у тех – уже нет.

– Лорма, твой отец застрелен. Мать – раздавлена тварью с телом столоктевого слизня и ликом смерти.

Эгин сказал эти слова как можно более сухо. И поцеловал Лорму в лоб, словно та была ему не подругой, а дочерью. «Выходит, я теперь ее папа и мама», – не удержался от иронии Эгин. Это было понято и оценено. Лорма доверчиво обняла Эгина за пояс и уронила голову ему на колени.

– Милостивый гиазир Йен. – Это был шепот сокольничего, который деликатно ждал, когда тайный советник переговорит с его госпожой. – Что же нам теперь делать?

Вопрос был не праздным. Действительно, опасность была повсюду. Внизу грохотали яростные удары жвал-захватов разъяренного выползка, разносившего в щепу стену гостевого зала. (Тварь, конечно, чуяла близость аррума и наверняка задалась целью добраться до его сладкого мозга во что бы то ни стало.)

Где-то за стеной подбашенной комнаты (где они, собственно, и находились) лютовал другой выползок.

В окрестностях Кедровой Усадьбы хозяйничали мужики Багида Вакка.

«Так или иначе, лучше бродить по окрестностям в предвидении встречи с озлобленной чернью, чем находиться в самом сердце гибели и разрушения», – решил Эгин.

– Что делать? Уходить.

– В том-то все и дело, милостивый гиазир, что уйти мы уже пытались. Но вниз нам путь заказан, там же теперь подземелье. А наверху – башня разворочена и бревна перепутались вконец. Пройти по лестнице мы не можем. И даже если бы нам удалось проползти – там, во тьме, завелась какая-то тварь. Она не двигается, но смогла убить гиазира управляющего. И мимо нее пройти невозможно. Как мы ни пытались.

«Безвестное чудовище – самое опасное чудовище». Эгин не любил иметь дело с безвестными чудовищами. Ему нужен был любой портрет убийцы управляющего. Любой. Пусть даже и неверный.

– Эта тварь далеко от нас? – спросил Эгин как можно тише.

– Два пролета вверх по башенной лестнице.

На это способностей Эгина еще хватало. Его Взор Аррума пополз наверх. Выше и выше. Человеческое тело – еще теплое – лежало значительно ниже, чем два пролета. Выше не было никого живого. И никого, кто умер бы недавно.

«Так. Один из костеруких залез в башню по стене и попал под бревна. Его не убило, но придавило. Невидимый даже

для меня, он перебьет всех нас. В этом нет сомнений. Но костерукого я смог поразить кинжалом, а против выползка был бессилён и „облачный“ меч. Значит, надо все равно пробиваться вверх. Но тварь, убив управляющего, намеренно или просто со злости вышвырнула его тело прочь. Тварь я не вижу, как и сокольничий, как и Сорго, как и Лорма. Что же делать?»

Жвалы-захваты выползка со скрежетом проскребли по бревнам внизу. Уже совсем близко.

– А что думает по этому поводу гиазир Сорго? – осведомился Эгин у темноты совершенно неожиданно для самого себя. Ему почему-то пришло в голову, что раз уж он за последние дни дважды без особого желания спасал жизнь учителю, значит, должен же тот иметь в его жизни какой-то смысл?

– И твари живой любой будет враг сердцеда-пожиратель, – пробормотал Сорго.

«Что ж, масса ценной информации», – скривился Эгин, но попыток дознаться не бросил. Как можно спокойнее, понимая, что он имеет сейчас дело не то с трехлетним ребенком, не то с мудрецом излишне высокого полета, Эгин прошептал:

– Я плохо понял вас, гиазир Сорго.

– И твари живой любой, – повторил тот и смолк.

«Любой... любой... ну и что, что любой?» – лихорадочно соображал Эгин. Оттуда, откуда раньше доносился шепот

сокольного, слышались звуки возни и знакомый шорох крыльев. «Соколы!»

– Послушай, гиазир сокольный, мое истинное имя – Эгин.

– Да, милостивый гиазир Йен, – бесстрастно кивнул тот.

– Теперь я хотел бы узнать твое.

Вот уж чего никогда не мог представить себе Эгин! Он, аррум, будет спрашивать имя у смерда! Пусть довольно просвещенного в повадках живых тварей смерда, но все-таки господского холопа, лишь бы не обращаться с дурацким «гиазир сокольный» к тому, с кем иначе как «эй, ты!» заговаривать не приучен.

– Меня зовут Солов.

– Хорошо, Солов. А теперь ответь мне: один ведь сокол у тебя остался?

– Да, милостивый гиазир. Один и остался. Другого зашибло.

– Он у тебя привязан?

– Нет, милостивый гиазир. Он и так никуда не улетит.

– Но если ему приказать, чтобы он взмыл в небеса, – он ведь из всех сил будет пытаться именно взмыть в небеса? Даже несмотря на то что ему придется сперва подскакивать по ступеням, а потом пробираться через завалы?

– Д-да, милостивый гиазир.

Ответ сокольного прозвучал неуверенно, и Эгин переспросил:

– Так да или нет, Солов? От этого зависит наше спасение.
– Да, милостивый гиазир, но ведь наверху то чудовище...
– Вот именно, Солов, вот именно. «И твари живущей любой будет враг сердцеед-пожиратель».

Память на цитаты у Эгина была отменная. Оставалось только прикоснуться к соколу, изучить его След, запомнить его и уповать на то, что он не рассосется слишком быстро, когда несчастная птица станет жертвой костерукого.

10

Эгин шел первым. За ним – Лорма. Потом – сокольничий. Тылы прикрывал Сорго, взявшийся вновь бормотать угрюмые прорицания. Несмотря на это, Эгин доверил спину их крошечного отряда именно Сорго. Тот, по уверениям сокольничего, этой ночью показал себя героем – зарубил двух прорвавшихся в дом мужиков прямо на горящей лестнице. А потом отчаянно боролся с пожаром, пока огонь не погиб под земляными развалами.

К тому же хвост отряда был самым опасным местом – туда в любое мгновение могли дохлестнуть жвалы-захваты выползка. А из четырех присутствующих Эгину было менее всех жалко именно Сорго. «Уж больно дурковатый».

Соколу было трудно. Очень трудно. Зоркая дневная птица ночью привыкла спать, а не пробираться через разрушенные людские жилища. Но если его хозяин, его добрый хозяин,

пожелал, чтобы он поднялся ввысь и искал добычу, он сделает это. Ибо так обучен и иначе не умеет – выполнять любые веления хозяина. Веления хозяев всегда сильнее природы.

Сокол уже видел звезды сквозь скрещенье балок, когда глухая тьма сбоку ожила и, обратившись костяной змеей, убила его быстрее, чем он успел испугаться прикосновений мелких расшатанных зубов, которые тем не менее впились в жесткое соколиное мясо злее и безжалостнее волчьих.

Эгин, пристально наблюдавший за Следом сокола, безошибочно определил это мгновение.

«Так, птица попалась. Стало быть, именно там, во тьме, где сейчас угасает его След, находится костерукий. Бить надо прямо в След».

Эгин бросился вверх по лестнице, уповая на то, что ее ступени целы и невредимы, а под ноги ему не подвернется роковой обломок.

След стремительно угасал. И когда от него перед Взором Аррума оставалась только слабо тлеющая искорка, Эгин, с размаху налетая лбом на нечто деревянное, твердое, неуместное, пронзил ее «облачным» клинком. И гневный рык приконченной твари огласил темноту лестничного пролета.

– Быстро ко мне! – позвал Эгин своих спутников.

Но никто не ответил ему. Вместо этого из темноты, словно выстреленное «молнией Аюта», вылетело чье-то липкое от крови тело.

Двух прикосновений Эгину хватило, чтобы опознать сокольника. Вот они, широкие и очень толстые кожаные наплечники, созданные для того, чтобы соколиные когти не оцарапали плечи...

Взор Аррума метнулся вниз. Да, сплошной туман. На фоне исполинской туши подземной твари нельзя было разоб-
раться ничего определенного.

Даже если Лорма и Сорго еще живы – они все равно будут мертвы совсем скоро и Эгин им ничем помочь не сможет. Потому что там выползок. С выползком ему не справиться.

На улице радостно завопили на человеческом языке:

– Давай, братва!

«О Шилол, сколько же их там?»

– У-у-ур-р-роды! – раненым волком взвыл аррум Опоры Вещей.

11

За его спиной вместе с новой зарницей раскатился грохот и вслед за ним – режущий уши неимоверно пронзительный визг, какого Эгину еще слышать в эту ночь не приходилось.

Но он не стал оборачиваться. С него было довольно.

Эгину посчастливилось допрыгнуть с раскатанной по бревнам до самой середины и вдобавок просевшей башни, а с нее – до гребня чудом уцелевшей восточной стены.

Ему удалось быстро продрасться сквозь колючий барбарис,

для надежности посаженный на внешнем земляном скате, и повезло обезглавить на опушке рощи празднующегося и, не исключено, безобидного человека.

И вот теперь Эгин быстрым шагом, стараясь не сорваться на бег, уходил прочь от гибнущей Кедровой Усадьбы.

Он понимал – никакие импровизации здесь не помогут. Он понимал, что теперь дело за лучшими людьми Свода и за лучшими сотнями морской пехоты. А если понадобится – то и за «молниями Аюта» союзных смегов.

Эгин клял и казнил себя за то, что в его присутствии, в присутствии аррума Опоры Вещей, погибло столько людей. Людей, которых он должен любить, ибо ему дано властвовать над ними.

О Лорме Эгин изо всех сил старался не думать. Не в первый раз ему случилось найти и потерять девушку в один и тот же день...

– Гиазира! – тихо позвала его темнота.

Эгин замер, выставив перед собой «облачный» меч.

Но даже в слабом звездном свете он отчетливо видел, что клинок его чист. В нем отражалась половина небосвода.

Глава 6

Дайл окс Ханна

Багряный Порт, 53 год Эры Двух Календарей

1

Рождению Лагхи Коалары никто не радовался.

Ни отец, ни братья с сестрами, ни даже мать.

Впрочем, мать все-таки немного радовалась. По крайней мере неделю она сможет под благовидным предлогом не хлопотать по дому, переложив это неблагодарное дело на старшую дочь. Сможет отдохнуть в заботах над новорожденным, охая и проклиная женскую долю, которая такова, что дети являются в мир, не спрашивая у тебя соизволения.

Когда Лагха распростился с пеленками и превратился в ладного мальчугана с длинными блестящими волосами цвета воронова крыла и умными глубокими глазищами, домашние стали относиться к нему несколько лучше.

Правда, когда за него впервые предложили хорошую цену, родители продали его, особенно не сожалея. Младший сын в семье – это всегда обуза. Хорошо, когда за эту обузу заморский богач готов заплатить серебром.

– Это наше счастье, дура ты! – объяснил отец Лагхи его

матери, которая пробовала для приличия пореветь перед тем, как сказать покупателю «да».

— Где это видано, чтобы благородные продавали своих детей всяким богатым извращенцам? — без особого воодушевления осведомилась у мужа мать Лагхи, ломая руки и размазывая слезы по своему морщинистому лицу.

И она не преувеличивала. Они действительно были благородными. По крайней мере по происхождению ее мужа, Саина окс Ханна, отца будущего гнорра Свода Равновесия.

2

Саин окс Ханна бежал из Варана, когда ему было тридцать два года.

Замешанный в растрате казенных денег, ненавидимый всеми и вся, немой от страха перед Сводом Равновесия, он избрал конечным пунктом своего бегства Багряный Порт.

В Багряный Порт он прибыл в смрадном, душном трюме корабля в обществе таких же, как он, «путешественников».

Но было нечто, что выгодно отличало его от невольных компаньонов. В полых каблуках сапог Саина окс Ханна были заточены четыре небольших алмаза. Камни голубой воды и немалой цены. В этих четырех еще неограниченных «слезинках неба» сосредоточилась вся наличность и недвижимость, которыми владел Саин в Варане. Очень скоро он продаст их и купит небольшой дом с верандой на окраине Багряно-

го Порта. Тот самый, в котором пятнадцать лет спустя будет рожден его младший сын Лагха.

В те годы в Багряном Порту было очень много чужеземцев. Город в устье Ан-Эгера еще не успел окостенеть и начать медленное умирание. Тогда он бурно разрастался, и проходимцы со всего мира смешивались там в пеструю разногोलосую толпу законопослушных граждан империи Тер.

В этой толпе затерялся и Саин окс Ханна. В этой толпе он нашел себе жену по имени Стимна, которая показалась варанцу красивой. Южанку, зарабатывавшую себе на хлеб... нет, не торговлей телом, как можно было бы подумать, глядя на ее роскошные формы и миловидное смуглое лицо. Но плетением корзин, мебели и мелкой домашней утвари.

– Привыкай к новой жизни, милашка! – поощрял свою новую супругу Саин, красуясь перед ней своими щедрыми тратами, отменными лошадьми и широкими взглядами на жизнь.

Несколько позже он откроет ей тайну своего происхождения, которым мать Лагхи Коалары будет гордиться всю жизнь.

«Мы из благородных!» – будет бросать она, споря из-за бельевых веревок с соседками.

Но это будет позже. Значительно позже, когда деньги, бывшие некогда четырьмя алмазами дивного светло-голубого цвета, а еще раньше – варанским поместьем и содержимым тугого кожаного кошелька, когда эти самые деньги кон-

чатся. Совсем.

3

Лагха не застал ничего из бывшего величия своего дома.

Слуги давным-давно получили расчет. Последняя лошадь в конюшне, на которой Саин ездил на службу, околела за месяц до его зачатия. Трое его братьев и три сестры донашивали друг за другом платья. Лагхе даже казалось, что если бы они шили себе одежду из древесного лыка, они и то выглядели бы изысканнее.

Его мать по-прежнему плела корзины, и пока ее руки машинально сгибали и заплетали вымоченную ивовую лозу, ее язык беспрестанно произносил одну и ту же фразу: «Куда они подевались? Ну куда же, Хуммер их раздери, они подевались?!»

Еще не научившись говорить, маленький Лагха догадался, что мать имеет в виду деньги.

«Я иду на службу», – с важным присвистом сообщал обрюзгший, постаревший и сильно поглупевший Саин, почти старик, завязывая поутру штаны. Лагха не спрашивал, что это за служба, в надежде, что его вопрос разрешится сам собой.

Однажды поутру, когда Лагха понял, что устал ждать отцовских объяснений, он тайком увязался за отцом.

Увиденное не поразило и не возмутило его. Он лишь

флегматично пожал плечами. Мол, служба как служба.

Саин окс Ханна, в прошлом варанский дворянин, слонялся по Игральной площади в той ее части, где в тени роскошных платановых деревьев располагались столики для игры в кости.

А еще точнее – там, где стояли столики для богатых игроков, которым улыбались и подносили прохладное пиво милостивые девушки в бесстыдно декольтированных платьях.

Саин ждал момента, когда за одним из столиков возникнет ничейная ситуация. Момента, когда, согласно старым магдорнским правилам, один из игроков должен будет бросить «длинную руку». То есть зашвырнуть кость так далеко, как только сможет. То есть очень далеко.

Вот тут-то и нужны были такие, как Саин.

Играющим было лень бежать в центр площади и смотреть, что за комбинация выпала на этот раз. За них эту работу делал высокородный варанец. Делал, сверкая ляжками и тяжело пыхтя. Покрываясь потом и наливаясь желчью. Он добегал до костей, делал стойку и орал на всю площадь: «Четыре виноградины и простой Гэраян!»

Саин разогнал всех конкурентов – нищих и беспризорных мальчишек, промышлявших тем же. Он никогда не пропускал базарных дней. Он всегда кланялся тем, кто кидал ему в оплату услуг пару мелких монет.

Иногда в хороший день, когда Саин приносил заезжему грютскому магнату доброе известие, сообщавшее о басно-

словном выигрыше, он получал неплохие деньги.

Тогда Саин с удовольствием бросал голодранцам, своим бывшим конкурентам, пару мелких монет. Но главное, Саин никогда не подсуживал игрокам, хотя порою ему представлялась такая возможность.

– Я честный человек! – гордо изрекал отец Лагхи Коалары, падая в плетеное кресло и погружаясь в сумерки веранды. Супруга согласно кивала.

4

Братья, сестры и родители всегда были холодны к Лагхе. А он платил им тем же.

О причинах этой холодности Лагха никогда не задумывался, принимая ее как должное. Уже став гнорром, гораздо позже, он понял, что любить чужака – дело трудное и мало кому по силам. В своей семье он всегда был чужаком. И подтверждал это ежедневно.

Однажды, в возрасте шести лет, он явился домой и, стоя на пороге, продекламировал наизусть «Геду об Эррихпе Древнем», только что услышанную в порту в исполнении слепого певца. Лагха запомнил «Геду» с первого раза и без купюр. Запомнил на харренском языке, который слышал первый раз в жизни.

В другой раз двенадцатилетний Лагха объяснил матери смысл и значение увиденного ею ночью сна.

«Ты хочешь, чтобы отец поскорее умер. Потому что тогда ты смогла бы продать этот дом, вырученные деньги пустить на приданое сестрам и выдать их замуж. Потом ты могла бы отдать братьев в солдаты и уйти жить к своей семье».

Мать невольно покраснела и отвесила Лагхе тяжелую оплеуху. Такие толкования ее сновидений Стимне не нравились.

Однажды Лагха сказал, что старший брат никогда не вернется из путешествия в столицу. Так оно и случилось – спустя шесть месяцев семья окс Ханна получила известие о его смерти. Кажется, он сгорел от чахотки.

Домашние относились настороженно к необыкновенно красивому Лагхе Коаларе. Звали его тогда, правда, совсем не так.

Дайл окс Ханна или просто Дайл. Именно под этим именем знал Лагху Коалару Багряный Порт.

5

Когда некрасивый сероглазый человек, представившийся господином Кафайралаком, уселся в плетеное кресло на веранде дома семейства окс Ханна и предложил купить у них Дайла, родители вздохнули с облегчением, в истинных причинах которого они боялись сознаваться даже самим себе.

– Сколько? – спросил отец.

– Так мало? – спросила мать.

– Что вы будете с ним делать? – спросил отец.

– Вы же не будете обращаться с ним дурно? – спросила мать.

Триста монет серебром. Это очень много. Человек, пусть даже такой смышленный и миловидный, как Лагха, стоит гораздо меньше.

Но господин Кафайралак не мелочился. Правда, он поставил перед семейством одно условие – они не станут болтать, когда и кому продали мальчика. И, главное, никогда ни за что не станут искать его. «Ну уж это как пить дать – не станем!» – странновато усмехнулся Саин окс Ханна.

– Мы подумаем. Ответим завтра в полдень, – подытожила Стимна, нервно теребя седую косу.

Господин Кафайралак, в чьем облике определенно присутствовало что-то рыбье, лишь вежливо улыбнулся. Дескать, подумайте-подумайте. Сомнений в том, что они согласятся, у него, похоже, не было.

Не было их и у Лагхи, следившего за ходом переговоров через чердачное оконце.

Несмотря на туман неизвестности, застивший его будущее, он был скорее обрадован, чем опечален.

«Когда за тебя дают аж целых триста серебром – это большая честь. За отца вон и десяти не дали бы!» – вот о чем думал будущий гнорр в день, когда река его жизни была повернута вспять эверонотом Ибаларом, сыном Бадалара.

Полдень считается на Юге добрым часом. Выгодным для сделок, удачным для переговоров и торга.

Решение было принято загодя – в этот полдень Лагху должны были отдать в пожизненное владение господину Кафайралаку.

Мать увязывала жалкие пожитки Лагхи в узел и зашивала его немногочисленную одежку. В глубине души она была уверена в том, что господин Кафайралак не пожалеет на своего нового раба двух серебряных монет и купит ему сносное платье. И все-таки она штопала дыры на штанах Лагхи очень усердно, даже с нездоровым рвением, чтобы как-то занять руки в ожидании покупателя.

По такому случаю отец Лагхи решил отложить поход «на службу» до вечера. Не каждый день, в самом деле, заключаешь такие выгодные сделки. Девушки окс Ханна мели комнаты, сыновья обновляли ограду. А Лагха, предоставленный (опять же ради такого случая) самому себе, отправился на Игральную площадь, лелея в кармане свои сбережения в числе одного серебряного авра.

– Я Дайл, сын Саина, – отрекомендовался Лагха, причалив к крайнему столику. Здесь баловались костями богатые горожане. – У меня есть «серебряник», и я хочу сыграть с вами в кости.

– Какого еще Саина? – в недоумении пробурчал хозяин фешенебельного дома терпимости, трясая колпак с костями.

– Да того придурка, что за «длинной рукой» обычно бегает, – незлобиво пояснил ему владелец Глухих Верфей.

– Ну сыграй, малец, сыграй, – заключил не слишком удачливый, но ушлый купчина.

Он был уверен, что спустя минуту авр Лагхи перекочится в его карман. Или, на худой конец, в карман одного из его приятелей, чем дело и закончится. Тогда он похлопает мальчишку по плечу и скажет: «Не унывай, дурачок, игра – дело тонкое, когда-нибудь научишься».

Но он просчитался.

– Гляди-ка... «белое озеро» и «грютская большая», – с удивлением сообщил игрокам хозяин веселого дома. Лагха, поставив свой авр на кон, только что бросил кости первым.

Лучший результат из возможных в первом коне!

Следом за Лагхой бросили все остальные. Ничего отдаленно похожего на успех. С понимающими улыбочками, мол, новичкам всегда везет, игроки отдали Лагхе по «серебрянику».

– Еще, – не попросил, скорее потребовал Лагха. И поставил на кон все четыре монеты.

– Да ты рискованный парень, я таких люблю. – Купчина потрепал Лагху по щеке. – Бросай.

Невозмутимый Лагха закрыл глаза, вложил кости в кожаный конус, легко встряхнул его и уверенно хлопнул им о

стол. Стукнули кости. Чужая рука подняла конус.

– Гиазирь, не поверите... два «белых озера», – вздернув брови, сообщил хозяин скобяной лавки.

Это уже из разряда сюрпризов. У других игроков, однако, на этот раз сюрпризов тоже не предвиделось. Самое большее – «две виноградины» и «малый магдорнский».

– Играем дальше, – потребовал хозяин веселого дома.

Денег ему было не жаль, у него их было много. Он был пьян еще с утра и приветствовал любое приятное разнообразие.

Лагха поднял глаза на небо. До полудня оставалось еще достаточно времени. Лагха взялся за конус, не глядя ни на игроков, ни на кости, ни на стол...

...За время, оставшееся до полудня, Лагха выигрывал девять раз. Три раза крупно проигрывал – нарочно, чтобы его компаньоны не охладели к игре. И ни разу не устроил ни одной ничьей – ведь не было на площади его отца, несчастного и бессовестного Саина окс Ханны, чтобы сбегать за «длинной рукой».

Триста монет серебром – таков был улов Лагхи Коалары в первой и последней в его жизни партии в кости.

Еще выходя из дома, он знал, что все произойдет именно так, как произошло.

Он ждал этого момента уже не один месяц. Не один год. С того самого дня, как увидел отца, преследующего скачущие по пыльным булыжникам кости. И вот благодаря господину

Кафайралаку его мечта исполнилась, его уверенность нашла себе подтверждение. Ведь главное, свершив свой маленький подвиг, он, Лагха, останется безнаказанным! Его отец будет кусать локти, а его новый хозяин никогда и не узнает о его триумфе!

Став старше, гнорр Свода Равновесия никогда не играл в кости. Лагха отдавал предпочтение изменчивому, пестроцветному Хаместиру. Иногда ламу – игре мелких магических жуликов и гвардейских офицеров.

7

Лагха покинул площадь так же стремительно, как на ней появился.

На одной из улиц близ порта он обменял серебро на золото, а семь золотых авров старой ре-тарской чеканки положил в потайной карман, притороченный к исподу его латаных-перелатаных штанов. И отправился домой.

Он немного опоздал. Господин Кафайралак уже пил молодую бражку, развалившись в плетеном кресле.

Домашние стояли вокруг него подковой, застыв в самых что ни на есть пришибленных и принужденных позах. Все они втайне боялись, что Лагха, прознав о торге, убежал из дому.

Появление Лагхи было встречено всеобщим оживлением – Саин окс Ханна, конечно, с радостью прибил бы Лагху ог-

лоблей. Но при интеллигентном господине Кафайралаке ему любо было представлять себя понимающим, снисходительным, хотя и угнетенным беспросветной нищетой отцом.

Мать сунула Лагхе узел с его пожитками.

Сестры по очереди поцеловали его в лоб. Каждая из них завидовала густым черным кудрям, правильным чертам лица и гладкости кожи своего брата и втайне корила родителей за то, что те разделили свою красоту между детьми на такие несоизмеримые доли.

Лагха обнялся с братьями – старший (тот, что стал старшим после смерти сгинувшего в столице) процедил сквозь зубы что-то насчет удачи. А средний прыснул со смеху – братья не сомневались в том, что симпатичного и стройного Лагху покупают с самыми что ни на есть грязными целями, а потому заранее гордились своей чистотой и независимостью. Мол, бедные, но гордые.

Быстро покончив с утомительным прощанием, Лагха бросил пустой взгляд на свой дом с покосившимися стенами и подточенным красноголовыми муравьями крыльцом и поплелся в сторону порта вслед за господином Кафайралаком.

Его новому хозяину хватало такта воздерживаться от комментариев. Семь золотых авров полеживали себе в кармане Лагхи, дожидаясь своего часа. Он наступит спустя год и один месяц.

– Где это он шатался, интересно знать? – просто так, чтобы не молчать, спросил отец Лагхи, утирая случайную слезу, когда Лагха и Кафайралак вышли за порог. – Кстати, посмотри, не прихватил ли стервец с собой чего нашего! – добавил он, когда его сын и загадочный северянин скрылись из виду. Так, чтобы не показаться излишне сентиментальным.

Ответ на свой случайный вопрос Саин узнал вечером этого же дня, когда, подпоясанный дорогим кушаком, в новой рубаше и с фляжкой отменного гортело на груди, он явился на «службу». Базарная площадь наполнилась слухами. Хозяин веселого дома – пьяный в стельку, красномордый и удрученный потерей двух сотен серебряных авров – рассказывал, наверное, в сотый раз, как было дело.

– Эй, Саин, а пацан-то твой, как оказалось, «золотая ручка»! – заорал на всю площадь хозяин скобяной лавки, весь сплошь зеленый от неожиданного вчерашнего проигрыша.

Ничего не понимающий Саин подошел ближе. О чем это они?

Пока, то краснея, то бледнея, Саин выслушивал подробности утреннего триумфа своего младшего сына, на языке его вертелось около двух десятков известных ему проклятий. Среди проклятий были и варанские, и южные.

Саин едва удержался на ногах, когда узнал, что за час иг-

ры его сын проиграл лишь трижды. Да и то, как заметил проныцательный купчина, «проиграл для виду». Что за час игры его сын выиграл столько, сколько стоил сам по оценке загадочного господина Кафайралака.

Но когда ступор прошел, а первое удивление уступило место истеричной решительности, Саин растолкал толпу собравшихся вокруг себя зевак.

Пыхтя и понося все на свете, он помчался в порт.

Как бы там ни было, он должен вернуть украденную драгоценность.

Сын должен принадлежать отцу, а не какому-то похотливому вельможе! Человек – не собака! Человек не продается! Я должен вернуть Дайла, своего милого сыночка! Я передумал! Отец и сын – одна плоть! Эти фразы сумасшедшим галлопом проносились в голове Саина, пока он, улица за улицей, то быстрым шагом, то бегом, приближался к порту.

Но его праведный гнев так и остался неостребован. Потому что корабль «Шалая птица», в сдвоенной каюте которого сидели господин Кафайралак и его новый слуга Лагха, уже вышел из гавани Багряного Порта.

Саину окс Ханне оставалось только плюнуть вслед «Шалой птице». А что еще остается, когда крадут твоего любимого сына?

Глава 7

Господин Кафайралак

*Багряный Порт – Мертвые Болота,
53 год Эры Двух Календарей*

1

Господин Кафайралак сразу понравился Лагхе. Во-первых, тем, что не понравился его домашним. А во-вторых, своей открытостью. Временами впечатлявшей даже его, привыкшего к грубостям Лагху.

– Сыном ты мне не будешь. Любовником – тоже. Братом – о нет! Для друга ты слишком молод. Впрочем, и для соперника тоже. Стало быть, ты будешь моим учеником, – заключил господин Кафайралак, когда они заперлись в каюте «Шалой птицы».

Лагха кивнул. Это даже лучше, чем он думал. Учеником. Ему еще никогда не предлагали стать чьим-то учеником.

– А чему ты будешь меня учить?

– Я научу тебя быть гнорром, – был ему ответ.

– Гнорром? Как это, а, господин Кафайралак? – поинтересовался Лагха.

– Во-первых, я не хочу, чтобы ты называл меня господи-

ном Кафайралаком. Пусть этим идиотским именем зовут меня идиоты. А во-вторых, кто такой гнорр, ты узнаешь, когда мы сойдем с корабля.

– Как же мне называть вас, милостивый гиазир? – оробел Лагха.

– Называй меня именем, данным мне при рождении. То есть Ибаларом.

– Оно странное, – не удержался Лагха.

– Эге, – довольно усмехнулся его новый хозяин. – Потому что это одно из запретных имен народа эверонотов.

– Эверонотов? А я думал, это сказки, про эверонотов, – смешался Лагха, в памяти которого тотчас же воскресло то небольшое, что он слышал об этом народе полурыб-полулюдей или полужаб-полулюдей. О народе, исчезнувшем в морской пучине вместе со своей родиной, островом Хеофор, во времена кровавой войны Третьего Вздоха Хуммера.

– Хорошо, что ты знаешь хотя бы эти сказки, – усмехнулся довольный Ибалар, прихлебывая из чаши. – Тебе понравится язык эверонотов. И его имена тоже, – заверил он Лагху.

– Мне уже нравится, – честно ответил мальчуган, обкатывая на языке имя своего нового хозяина и учителя. И-ба-лар. Господин И-балар.

– Тогда я дам и тебе такое же. Имя эверонотов. Хочешь?

– Ну... давайте. – Откровенно говоря, собственное имя всегда резало ему слух и вдобавок напоминало о семье. Лучше любое другое, чем это. И пусть оно будет незнакомым и

тайнственным. Запретным. Именем эверонотов.

– Тогда я нарекаю тебя Лагхой Коаларой, что на языке народа вод и пещер значит Властвующий и Покоряющийся, – с нарочитой торжественностью изрек Ибалар.

– А над кем я буду властвовать? – нахмурившись, спросил Лагха, пытаясь запомнить, кто он теперь такой.

– Над миром, – не изменившись в лице, отвечал Ибалар.

– А кому покоряться?

Ибалар растянул губы в улыбке:

– Мне.

2

Когда Лагха узнал о том, что его хотят купить, он подумал, что, верно, из него должен получиться очень хороший слуга, раз за него дают такую цену. «Буду выносить ночной горшок за хозяином, подсовывать ему таз с водой поутру, читать ему вслух и подавать еду гостям».

Когда Ибалар объявил ему о начале его ученичества, его представления о своих будущих обязанностях, как ни странно, ушли не очень далеко от чистки хозяйского платья и мытья ночного горшка. Слуга или ученик – не одна ли малина? Все, что знал об ученичестве Лагха, сводилось приблизительно к одному: вначале ты три года гнешь спину на кухне учителя или поглощаешься какой-либо другой стороной его быта. А на четвертый он начинает тебя учить обращению

с алебардой. Или игре на флейте. Но все это в перерывах между кухней или конюшней. Чем это отличается от жизни слуги?

Но в том-то и дело, что слуга у господина Кафайралака, то есть у господина Ибалара, уже был. Причем в первый же день Лой – так его звали – получил указание обслуживать мальчика с тем же рвением, с каким он обслуживает и самого хозяина.

– Я начну учить тебя, когда мы сойдем на берег. А пока отдыхай, думай, вспоминай, – с загадочнейшим выражением лица сказал Ибалар и мимоходом прикоснулся ладонью ко лбу Лагхи.

Как бы невзначай. Так делают лекари, чтобы проверить, не донимает ли больного жар или, напротив, не околел ли тот ненароком.

Смысл последнего слова Лагха постиг очень и очень скоро.

В ближайшее полнолуние Лагха, сытно откушавший и разодетый на варанский манер, стоял на корме корабля и, мучаясь непривычным бездельем, смотрел в черные воды моря, распластавшиеся от горизонта до горизонта. «Вспоминай», – говорил Ибалар. Он знал, что говорил. В черные воды моря...

Был полный штиль, корабль разрезал воду, не оставляя ни волн, ни следа. Где-то он уже видел то же самое. Где-то видел, хотя никогда не путешествовал по морю. «Вспоминай»

– таков был приказ. Таково было предостережение. Такова была неизбежность.

3

Лагха не принимал пищи, не пил и не спал три дня. Он вспоминал.

Иногда он видел себя и происходившие события как бы со стороны. Иногда – как бы изнутри. И не только видел, но и слышал, чувствовал, осязал, обонял. Картины сменяли друг друга то быстро, то медленно. Иногда Лагхе казалось, что прошла вечность, иногда – что прошел час. Но и то и другое было лишь разными ликами иллюзии.

Вот он играет в Хаместир с пятнадцатилетним мальчишкой. Мальчишку зовут Лоскир. Лоскир весел, нахален и задирист. И все время проигрывает, а он, Лагха, потешается над ним. Он по-прежнему Лагха, но у него другое, взрослое тело и другие мысли. Лоскир говорит на том же языке, на каком написана «Гедда об Эррихпе Древнем», – стало быть, на харренском. Мальчишка называет своего партнера Кальтом. Кальтом Лозоходцем. Надо полагать, это его, Лагху, так зовут внутри этого странного сна.

Но земля уходит из-под ног, а доска для игры – разноцветная, манящая – начинает бесшумно вращаться вокруг своей оси. Она кружится все быстрее, расплывается тысячей самоцветов и превращается в пестрый ковер с длинными пуши-

стыми кистями. На этом ковре сидит, поджав ноги, худенькая, но очень красивая девушка. Нагая и бледнокожая.

Лагха знает, что это продажная девушка, но он очень, очень любит ее. Он целует ее, с сожалением замечая чахоточный румянец, разлитый по ее щекам. Они говорят глупости и смеются. Она, как и тот мальчишка, тоже зовет его Кальтом. Она смотрит ему в глаза и прочит ему великое будущее. Она говорит, что у него бордовая звезда во лбу. Он – стройный и сильный черноволосый мужчина с рельефными скулами северянина, ласково обхватывает ее стан, кладет голову ей на колени, а она гладит его, словно котейку. Но что-то – у Лагхи нет времени понять что – происходит за окном. Что-то или кто-то зовет его прочь, и он уходит. Он дарит ей браслет с сапфирами – каждый величиной с лесной орех – и уходит, переносясь куда-то, где небеса и деревья незнакомы и высоки.

Он, Лагха, очень жалеет о том, что не пообещал девушке вернуться за ней, когда все будет хорошо. И стыдится собственных мыслей – иногда ему кажется, что негоже возвращаться к продажным женщинам. Она улыбается ему откуда-то из другого мира. И задумчиво глядит в глубину синих камней, лениво поблескивающих на солнце. Ярко-голубая искра, порожденная сияющим камнем, слепит Лагху, он на секунду закрывает глаза и... обнаруживает себя стоящим у саркофага.

«Это саркофаг древнего харренского героя, кажется, Эл-

лата», – знает Лагха. Он проводит двумя пальцами по бирюзовой крышке саркофага с черными прожилками. Он ищет ответ на один очень важный вопрос. И он находит его – судя по тому, что, спустя один порыв ветра, он уже вельможа при дворе какого-то придурковатого и дряхлого царя. Он знает о себе, что его все еще зовут Кальтом. Но теперь он благородный вельможа. Дамы кокетливо подмигивают ему и склоняются перед ним в поклонах, а мужчины вызывают его на поединки чести.

Вот он видит себя в канун одного такого поединка. Он возмужал и приобрел придворный лоск. Он смотрит на противника и целует лезвие своего огромного двуручного меча. «Мне подарили этот меч», – знает Лагха, но не помнит, кто именно и чем он заслужил такой подарок. На лезвии выгравировано что-то. Лагха напрягает зрение. «Храни себя и меня» – вот чего требует от него меч. И он исполняет его веление. Его противник убит, а женщина, бывшая женой его мертвого противника, любовно подает ему плащ с красивой пряжкой. «Это теперь моя жена», – знает Лагха и целует ее в шею, которая вырастает ввысь, становится шире, больше, белее, раздувается до неба. Нет, это не шея, это колонна. Она – часть какой-то арки, под которой проходят стройными рядами вооруженные люди. Тяжелая конница, пехота, вспомогательные войска, обоз, приبلудные шлюхи.

Теперь у Лагхи нет сомнений в том, что он на войне. Он во главе армии. Он устал. Под глазами у него залегли серые

тени. Его меч по-прежнему с ним. Лагха чувствует, что его дела идут неважно. Войско разбито, а подкрепление не пришло вовремя. Он чувствует, что скоро умрет, и знает, что его врага зовут Торвент Мудрый. Он знает, что его враг – император Синего Алустрала. Он столь же мудр, сколь и бессердечен. Торвент Мудрый пускает в него стрелу. Не одну, нет. Смертоносный, воющий ураган стрел. Несколько пробивают насквозь его кованый нагрудник. Он, Кальт, умирает, и в этом у Лагхи нет сомнений.

Перед его мысленным взором выстраивается череда добрых дел, совершенных им за жизнь. О нет, не слишком длинная череда. Словно барельефы на фронтоне дворца харренского сотинальма. Их ровно столько, сколько нужно для украшения. Но не больше. Вот он дарит девушке из постоялого двора браслет с сапфирами. Вот он находит какое-то место, которое все называют Золотым Цветком, и глашатай привселюдно объясняет, что сюда будет перенесена новая столица царства. Вот он треплет Лоскира за вихры. И волны качают поврежденный, но помилованный добросердечным Кальтом парусник врага. «Кальт!» – кричит кто-то, но ему лень отвечать, он отмахивается, словно отгоняя назойливую муху, и послушная его руке картина мироздания снова сменяется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.